

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДАМЫ И ГОСПОДА

Lords and Ladies

Плоский мир

Терри Пратчетт
Дамы и Господа

«ЭКСМО»

1992

Пратчетт Т.

Дамы и Господа / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1992 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-699-17159-0

Наше сознание творит с нами самые невообразимые вещи. Мы помним только хорошее. Вот драконы, к примеру. Очень романтичные, красивые, полные достоинства зверюги. Но мы забываем, что к этим чертам следует добавить абсолютную прожорливость, мгновенную воспламеняемость и крайнюю зубастость. А эльфы? Да, они танцуют при луне, поют песни – в общем, веселые, милые существа... Но будете ли вы рады, когда они вернуться? О да, эльфы очень любят разные игры – только весело им, а не вам.

ISBN 978-5-699-17159-0

© Пратчетт Т., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Предисловие автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Терри Пратчетт Дамы и Господа

Предисловие автора

Вообще-то, большинство романов о Плоском мире являются совершенно самостоятельными и законченными книгами. Читать их в определенном порядке лишь рекомендуется, но это вовсе не обязательно.

А вот данная книга отличается от прочих. Тут я не могу не обратить внимание на некоторые события, что произошли в прошлом. Впервые матушка Ветровоск появилась в «Творцах заклинаний». В «Вещих сестричках» она неофициально возглавила небольшой ведьмовской шабашик, состоящий из беззаботной, многократно замужней нянюшки Ягг и молодой Маграт, ведьмочки с вечно шмыгающим носом, растрепанными волосами и странно сентиментальным отношением к дождевым каплям, розам и котяткам.

Затем случился заговор, похожий на тот, что был описан в знаменитой пьесе о шотландском короле. После разоблачения заговорщиков правителем крошечного холмистого и заросшего лесами Ланкра стал Веренс II – хотя, с формальной точки зрения, этого не должно было произойти, так как, если говорить честно, он не был законным наследником, но ведьмы решили, что шут – самая подходящая кандидатура на престол и, кроме того, хорошо то, что хорошо кончается. Также нельзя не упомянуть, что Маграт достигла с Веренсом неуверенного Взаимопонимания... но очень, очень неуверенного: обе стороны Взаимопонимания были настолько стеснительными, что мгновенно забывали, о чем собирались сказать друг другу, а если кому-либо все же удавалось сказать хоть что-то, другой тут же неправильно понимал услышанное и обижался, а потом уйма времени уходила на то, чтобы догадаться, кто что думает. Возможно, это и есть любовь, ну, или нечто крайне близкое к ней.

В «Ведьмах за границей» три ведьмы пересекли полконтинента, дабы сойтись в схватке с Феей-Крестной (которая сделала Судьбе некое предложение, от которого невозможно было отказаться).

Все это было в прошлом. А нынешняя история повествует о том, что произошло, когда ведьмы вернулись домой.

НУ А ТЕПЕРЬ – ЧИТАЙТЕ...

* * *

А теперь читайте дальше.

Когда все началось?

Начал было несколько. О, некоторые события лишь кажутся первопричиной. Занавес поднимается, пешка делает первый ход, звучит первый выстрел¹ – но это еще не начало. Пьеса, игра, война – не более чем маленькое окошко в череде событий, уходящих на многие тысячелетия назад. Всегда есть вещи, происшедшие *до того как*. Вот почему присказка «читайте дальше» столь распространена.

Человечество очень много времени ухлопало на поиски первичного До Того Как, однако наши нынешние познания все равно оставляют желать лучшего. Единственное, в чем мы более-менее определились, можно выразить примерно следующим образом:

«В самом начале не было ничего, а потом это самое ничто вдруг взяло и рвануло».

¹ В эту самую первую пешку.

Согласно другим теориям о Начале Всего Сущего, боги создали вселенную из ребер, внутренностей и гениталий своего папочки². И подобных теорий существует великое множество. Космология, происхождение вселенной – это ладно, а вот людям как жить?.. Эй, ребята, а вы как думаете, какая часть тела *ваши* город?

Впрочем, нынешняя история началась на Плоском мире, который путешествует по пространству на спинах четырех гигантских слонов, стоящих на панцире огромной черепахи, – вряд ли можно создать что-либо подобное из обычного тела, пусть даже принадлежащего богу.

Э-э, но с чего же начать?

Может, с событий, происшедших тысячи лет назад? Именно тогда огромный поток раскаленных камней, жутко завывая, рухнул с неба, проломил дыру в Медной горе и повалил лес в радиусе десяти миль.

Вскоре после происшествия гномы выкопали те камни, потому что они состояли из железа, а гномы, вопреки сложившемуся мнению, любят железо гораздо сильнее золота. Просто о железе труднее слагать песни, хотя встречается оно гораздо чаще золота. В общем, гномы любят железо.

А камни именно этим и отличались. Они содержали любовь к железу. Любовь настолько сильную, что она притягивала к себе все железные предметы. Три гнома, которые первыми обнаружили камни, смогли оторваться от них, только сняв кольчужные штаны.

Ядро многих миров состоит из железа. И только Плоский мир лишен сердечника, как бублик.

На Диске, если вы наложите на иглу заклятие, она укажет на Пуп, потому что там самое сильное магическое поле. Все очень просто.

На других мирах, при создании которых использовалось много меньше воображения, игла поворачивается благодаря любви к железу.

Одним словом, и гномы, и люди, жившие на Плоском мире, испытывали большую потребность в этой «любви к железу».

А теперь перемотаем время на несколько тысяч лет вперед – к тому моменту, который отстоит всего лет на пятьдесят, или чуть более, от постоянно изменяющегося сейчас, – и окажемся на склоне холма, по которому бежит девушка. О нет, она ни от кого не убегает и никуда конкретно не спешит. Она просто бежит впереди молодого человека – однако не настолько быстро, чтобы ему надоело гнаться за ней и он махнул бы рукой.

Вскоре девушка выбежала из-под деревьев и оказалась в заросшей тростником долинке, посреди которой, на небольшой возвышенности, стояли камни.

Высотой они были с человеческий рост, а в обхвате – чуть толще среднестатистического толстяка.

В общем, невзрачные каменюки, ничего особенного. Если уж существует кольцо камней, к которому подходить не рекомендуется, то это непременно должны быть, как услужливо подсказывает воображение, нависающие над вами мрачные мегалиты и древние алтарные камни, вопящие о кровавых жертвоприношениях. А тут – какие-то унылые приземистые глыбы.

Впоследствии суждено было выясниться, что на этот раз девушка таки бежала слишком быстро, а поэтому смеющийся молодой человек, который преследовал ее, заблудился, погрузился и вынужден был возвратиться в городок в гордом одиночестве. Но тогда девушка этого не знала, она просто стояла и с рассеянным видом поправляла цветочки, вплетенные в волосы по случаю праздника.

О камнях она, конечно же, слышала, хотя никто о них особо не распространялся. И приходить сюда никому не воспрещалось – потому что люди, воздерживающиеся от разговоров

² Боги – известные шутники.

о подобных камнях, знают, насколько притягателен запретный плод. Просто местные жители обычно... не подходили к этим камням, вот и все. Особенно хорошенькие девушки.

Но эта девушка не была хорошенькой – в общепринятом смысле. Во-первых, она не была красивой. Конечно, если кто-нибудь пожелал бы сказать ей хоть что-нибудь приятное, то при соответствующем освещении и благоприятном расположении звезд линия ее подбородка и вздернутый носик могли бы быть названы красивыми. А во-вторых, ее глаза сияли неким определенным блеском, обычно свойственным человеку, который понял, что он значительно умнее окружающих, но еще не догадался, что самым разумным будет вести себя так, чтобы другие люди об этом не прознали. Ну а носик... носик лишь подчеркивал тот пронзительный взгляд, который, как правило, приводил собеседника в крайнее замешательство. Да, с таким лицом лучше не разговаривать. Стоит только открыть рот, и вы удостоиваетесь внимательного, оценивающего взгляда, словно бы говорящего: «Очень надеюсь, что вы собираетесь сказать что-нибудь интересное».

Именно таким взглядом были вознаграждены невысокие камни на маленьком холме.

Гм-м...

А потом девушка осторожно приблизилась. Впрочем, она ничуть не походила на готовящегося убежать кролика. Скорее так двигается охотник.

Скрестив руки на груди – грудь есть грудь, каких бы размеров она ни была, – девушка еще раз обозрела каменюки.

В раскаленном летнем небе летал жаворонок. Лишь его звонкая песня нарушала царящую тут тишину. Чуть дальше в долинке и выше, в холмах, трещали кузнечики, жужжали пчелы – в общем, трава была наполнена всяческими микроразвучками. Но рядом с камнями всегда было тихо.

– Я пришла, – объявила девушка. – Покажись мне.

Внутри круга вдруг возникла фигура темноволосой женщины в красном платье. Через круг легко можно было перекинуть камень, и тем не менее создавался странный эффект, будто призрак приближается с огромного расстояния.

Многие люди тут же предпочли бы спастись бегством, но девушка не убежала, чем немедленно заинтересовала женщину в круге.

– Значит, ты и вправду существуешь...

– Конечно. Как тебя зовут, девочка?

– Эсмеральда.

– И чего же ты хочешь?

– Ничего.

– Каждый человек чего-нибудь да хочет. Иначе зачем тебе приходиться сюда?

– Просто захотелось узнать, вправду ты существуешь или это все рассказы.

– Для тебя? О да, для тебя я существую... У тебя *хорошее* зрение.

Девушка кивнула. Ее гордостью можно было колоть орехи.

– А теперь, когда ты это выяснила, – продолжила женщина в круге, – скажи, чего же ты хочешь?

– Ничего.

– Правда? На прошлой неделе ты поднималась в горы, чтобы поговорить с троллями. Что тебе от них понадобилось?

Девушка наклонила голову.

– А откуда ты знаешь, что я туда ходила?

– Ты только об этом и думаешь, девочка. Такие мысли любой может разглядеть. Любой... у кого *хорошее* зрение.

– Когда-нибудь я тоже научусь этому, – хвастливо заявила девушка.

– Кто знает? Возможно. Так чего же ты хотела от троллей?

– Я... я хотела поговорить с ними. Знаешь, они ведь считают, что на самом деле время движется назад. И раз мы знаем свое прошлое, значит...

Женщина в круге рассмеялась.

– О, как они похожи на тупых гномов! Камни, камни, камни – только об этом и говорят. И что такого интересного в обычных камнях?

Девушка пожала одним плечом, словно бы отвечая, мол, и камни интересны, правда по-своему.

– А почему ты не выходишь из круга? – спросила она.

И у нее тут же возникло явственное ощущение, что как раз этот вопрос задавать не следовало. Однако женщина от ответа уклонилась.

– Я способна подарить тебе нечто большее, чем какие-то там камни, – сказала она.

– Ты просто не можешь оттуда выйти?

– Все, что захочешь, я дам тебе все.

– Я могу ходить где захочу, а вот ты вечно будешь сидеть в этом круге, – заявила девушка.

– Ты правда считаешь, будто можешь ходить где вздумается?

– Не сейчас, так потом. Когда стану ведьмой.

– Но ты никогда ею не станешь.

– Что?

– Говорят, ты никого не слушаешь. И совсем не умеешь сдерживаться. А еще говорят, что ты невоспитанна.

Девушка встряхнула волосами.

– О, тебе и это известно... Только сплетницы могут болтать что угодно, я все равно стану ведьмой. Во всем можно разобраться самой, а не слушать полоумных старух, которые и жизни-то не видели. И вот еще что, дамочка из круга, я стану самой лучшей ведьмой на Диске.

– С моей помощью – возможно, – кивнула женщина и добавила мягко: – Кажется, тебя ищет некий молодой человек.

Девушка снова дернула плечом, словно говоря, что этот молодой человек может искать ее хоть весь день.

– Я ведь стану ведьмой, правда?

– О да! Ты можешь стать кем угодно. Кем захочешь. Войди в круг, я тебе кое-что покажу...

Девушка сделала несколько шагов и остановилась. Что-то не понравилось ей в голосе женщины. Улыбка вроде была дружелюбной и приятной, но в голосе звучало какое-то отчаяние, слишком настойчивым он был, слишком *голодным*.

– Но я многому и так научилась, сама...

– Зайди за камни, тебе говорю!

Однако девушка все медлила.

– А откуда мне знать, что ты не...

– Время заканчивается! Ты только подумай, какие возможности перед тобой раскроются!

Давай же!

– Но...

– *Войди в круг!*

Все это было давным-давно³. И кроме того, та юная стервочка...

...Стала гораздо старше.

Страна льда...

³ А значит, все равно что неправда.

Это вам не обычная зима, которая подразумевает наличие осени и, возможно, даже весны. Нет, это самая настоящая страна льда, а не какие-то там временные заморозки.

Три фигуры на лошадях смотрят вдоль заснеженного склона на кольцо из восьми камней. И вот что интересно: камни выглядят значительно крупнее.

Нужно некоторое время внимательно разглядывать фигуры, прежде чем вы поймете, что именно кажется в них странным, ну, то есть более странным, чем облачения этих людей. Горячее дыхание лошадей замирало в холодном воздухе облачками пара, тогда как дыхания всадников видно не было.

– На сей раз, – сказала женщина в красном платье, – победа будет за нами. Страна встретит нас с радостью. Она, наверное, уже ненавидит этих людишек.

– Но ведьмы... – напомнил один из ее спутников. – Есть еще ведьмы. Я их хорошо помню.

– Ведьмы? – переспросила женщина. – Да, они были. Но сейчас... ах, бедняжки, *бедняжки*. У них и сил-то почти не осталось. Не то что раньше. Нынешние ведьмы, дорогой мой, они стали сговорчивыми. Уж я-то знаю, я за ними следила. Каждую ночь подходила к ним все ближе и ближе. Нынче толковую ведьму днем с огнем не сыщешь... В общем, я ими займусь.

– Я тоже помню ведьм, – встрял в разговор третий всадник. – Их разум... он как клинок.

– Все меняется. Говорю же, с ведьмами я разберусь.

Королева благосклонно улыбнулась кольцу из камней.

– А потом я отдам их вам, – пообещала она. – Что же касается меня лично, то я бы предпочла смертного мужа. Но это должен быть особый смертный. Союз миров. Чтобы показать всем, что на сей раз мы останемся и пребудем вовек.

– Королю это не понравится.

– А это когда-то имело значение?

– Нет, госпожа.

– Время, Ланкин. Кольца открываются. Скоро мы вернемся.

Второй всадник наклонился в седле.

– И я снова смогу охотиться? – с надеждой осведомилось существо. – Но когда? *Когда?*

– Скоро, – улыбнулась королева. – Очень скоро.

Ночь была темной. Да, небо затянули облака, а значит, луны и звезд не было видно, но эта тьма – она была особой. Темнота эта была настолько густой и осязаемой, что казалось,хвати пригоршню воздуха – и выжмешь из нее саму ночь.

Такая темнота заставляет овец перепрыгивать через ограду загонов, а собак трусливо забиваться в конуру.

Однако же ветер был теплым и скорее шумным, чем сильным. Он ревел среди деревьев леса и завывал в печных трубах.

В такие ночи нормальные люди предпочитают прятаться под одеяло с головой – некое шестое чувство подсказывает им: сегодня этим миром правит кто-то другой. Ну а утром... утром все вернется на круги своя. Будут валяться сломанные ветки, с крыши сорвет несколько черепиц, но мир снова будет принадлежать человеку. А пока лучше... спрятаться.

Однако кое-кто все ж не спал.

Джейсон Ягг, искусный, знаменитый на всю округу кузнец, несколько раз для вида качнул мехи горна и снова присел на наковальню. В кузнице всегда было тепло, даже когда над крышами деревенских домов завывал ветер.

Джейсон Ягг мог подковать кого угодно и что угодно. Однажды ради шутки ему принесли муравья, и он всю ночь просидел с увеличительным стеклом, склонившись над наковальней из булавочной головки. Кстати, этот муравей все еще где-то здесь, иногда он слышал цокот крошечных подковак по каменному полу.

Но сегодня срок очередной проплаты. Конечно, единоличным владельцем кузницы был он. Уже много поколений эта кузница принадлежала семейству Яггов, однако состояла она не только из кирпичей, раствора и железа. Он не мог точно сказать, из чего еще, но было в кузнице что-то этакое. Именно оно обычно определяет разницу между мастером своего дела и простым человеком, который придает кускам железа причудливые формы, чтобы заработать себе на жизнь. Это странное «нечто» связано с железом, оно способно превратить обычного кузнеца в мастера на все руки. И за это умение нужно платить.

Давным-давно отец отвел Джейсона в сторону и объяснил, как следует вести себя в подобных обстоятельствах.

«Порой выдаются такие ночи, – сказал отец, – а ты сам поймешь, что наступила «такая» ночь, – в общем, к тебе явится человек и попросит подковать его лошадь. Так вот, прими его радушно. Подкуй лошадь. И ни на что не обращай внимания. Думай только о подковах и ни о чем больше».

Годы шли, и постепенно Джейсон привык к «таким» ночам.

Ветер усилился, донесся треск падающего дерева.

Загремел засов кузницы.

Кто-то стукнул в дверь. Один раз. Два.

Джейсон Ягг взял лоскут материи и завязал глаза. Это очень важно, предупреждал отец. Помогает не отвлекаться.

А затем Джейсон отпер дверь.

– Добрый вечер, господин.

– КАКАЯ БУРЯ.

Он почувствовал запах мокрой лошадиной шкуры, услышал цоканье копыт по каменным плитам кузницы.

– На горне закипает чай, а наша Дрин испекла печенье, оно в жестянке с надписью «Пада-рок из Анк-Морпорка».

– СПАСИБО, СПАСИБО. ПОЛАГАЮ, ТЫ В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ?

– В добром, господин. Я уже подготовил подковы. Постарайся не задержать тебя. Наверное, много... э-э... дел.

Он услышал звук шагов. Посетитель приблизился к старому кухонному стулу, стоящему тут специально для клиентов – вернее, для владельцев клиентов.

Джейсон разложил инструменты, подковы и гвозди на верстаке рядом с наковальней. Затем вытер руки о фартук, взял напильник и принялся за работу. Холодную ковку он не очень любил, но лошадей Джейсон подковывал с десяти лет, а потому спокойно мог делать это на ощупь. Он отыскал рашпиль и продолжил работу.

Честно говоря, более покладистой лошади он в жизни не встречал. Жаль, еще ни разу не получилось взглянуть на нее, хоть одним глазком. Наверное, очень хорошая лошадь...

«И даже не пытайся подсматривать», – предупреждал отец.

До Джейсона донеслось бульканье чайника, затем побрякивание ложки в чашке и тихий стук, когда ложку отложили в сторону.

«Полная тишина, – рассказывал отец. – Ты услышишь, только как он ходит или говорит. Никаких тебе причмокиваний губами, никаких побряхтываний, ничего».

И дыхания тоже не было слышно.

«И вот еще что. Когда старые подковы снимешь, отложи их в сторонку, не бросай туда, где валяется прочий лом. А потом расплавь их. В отдельном тигле. Из этого железа ты выкуешь новые подковы. Но не вздумай подковать ими какую другую лошадь».

На самом деле один комплект таких подков Джейсон умудрился припрятать для себя – он сначала брал их с собой на всяческие соревнования, которые обычно проводятся на деревенских ярмарках. И с тех пор, как он стал носить с собой подковы, Джейсон ни разу не проиграл.

Наоборот, стал побеждать так часто, что даже занервничал, а потому повесил эти странные подковы на гвоздик рядом с дверью, где они и висели по сей день.

Джейсон работал. Пару раз в окно пытался ворваться ветер, в горне весело трещал уголь. Со стороны огорода донеслись череда глухих ударов и громкое кудахтанье – похоже, курятник отправился немного полетать.

Владелец клиента налил себе еще одну чашку чая.

Джейсон подковал очередное копыто и отпустил ногу лошади. Потом протянул руку. Лошадь переступила и подняла последнее копыто.

Таких лошадей – одна на миллион. Если не меньше.

Наконец все было закончено. Забавно. Времени прошло всего ничего. Часами Джейсон никогда не пользовался – зачем они ему? – но мог поклясться, что работа, длившаяся почти час, одновременно заняла не более нескольких минут.

– Все, – сказал он. – Готово.

– БЛАГОДАРИЮ. ДОЛЖЕН ОТМЕТИТЬ, ПЕЧЕНЬЕ БЫЛО ОЧЕНЬ ВКУСНЫМ. С КУСОЧКАМИ ШОКОЛАДА ВНУТРИ. КАК, ИНТЕРЕСНО, ЕГО ПЕКЛИ?

– Понятия не имею, господин, – ответил Джейсон, таращась в абсолютную черноту повязки.

– ПО ИДЕЕ, ШОКОЛАД ДОЛЖЕН РАСПЛАВИТЬСЯ... КАК ЖЕ ЕГО ПЕКЛИ?

– Наверное, это какой-нибудь профессиональный секрет, – откликнулся Джейсон. – Такие тайны кому попало не раскрывают, вот я и не лезу.

– ПРАВИЛЬНО. ОЧЕНЬ МУДРО. НУ ЧТО Ж, ДУМАЮ, МНЕ...

Но он должен был спросить – хотя бы для того, чтобы знать, что все-таки спросил.

– Э-э... Прошу прощения...

– ДА, ГОСПОДИН ЯГГ?

– У меня есть один вопрос...

– ДА, ГОСПОДИН ЯГГ?

Джейсон облизал губы.

– Что я увижу, если... сниму повязку?

Ну вот и все, он спросил.

Послышались шаги по каменным плитам, всколыхнулся воздух, и Джейсон понял, что его собеседник стоит прямо перед ним.

– ГОСПОДИН ЯГГ, ТЫ ВООБЩЕ ЧЕЛОВЕК ВЕРУЮЩИЙ?

Джейсон быстро обдумал вопрос. Ланкр был не слишком религиозным королевством, хотя здесь имелись свои Поклонники Девятого Дня и фанатики-оффлиане, а на дальних полянках были спрятаны алтари для поклонений тем или иным мелким богам. Однако сам Джейсон предпочитал гномье отношение к религии. Железо – это железо, а огонь – это огонь, попробуй задумайся о всякой метафизике, и тут же твой большой палец будет размазан по наковальне.

– ВО ЧТО ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕРИШЬ? ИМЕННО СЕЙЧАС?

«Он всего в нескольких дюймах, – подумал Джейсон. – Я могу протянуть руку и дотронуться...»

Он чувствовал запах, и не то чтобы неприятный. Скорее ни на что не похожий. Так пахнут старые, давно закрытые комнаты. Если бы века обладали запахом, самые древние пахли бы именно так.

– ГОСПОДИН ЯГГ?

Джейсон судорожно сглотнул.

– Э-э, – наконец вымолвил он, – ну, именно сейчас... я верю в эту повязку на глазах.

– МОЛОДЕЦ, МОЛОДЕЦ. НУ А ТЕПЕРЬ... МНЕ В САМОМ ДЕЛЕ ПОРА.

Джейсон услышал, как громыхнул засов. Стукнула распахнутая порывом ветра дверь, потом по булыжникам зацокали подковы.

– ТВОЯ РАБОТА, КАК ВСЕГДА, ВЫШЕ ВСЯКИХ ПОХВАЛ.

– Благодарю, господин.

– И Я ГОВОРЮ ЭТО КАК МАСТЕР МАСТЕРУ.

– Спасибо, господин.

– МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ.

– Да, господин.

Джейсон закрыл и запер дверь, хотя в этом, если задуматься, не было никакого смысла.

Такова была договоренность... Ты подковываешь все, что к тебе приводят, а взамен тебе дается возможность подковывать все, что ты хочешь. В Ланкре всегда был кузнец, и каждый знал, что кузнец из Ланкра чуть ли не самый умелый кузнец на Диске.

Такова была древняя договоренность, и она имела какое-то отношение к железу.

Ветер стих. Постепенно он превратился в шепот на горизонте. Солнце вставало.

Это была страна октариновых трав. Очень благоприятная для земледелия, особенно для выращивания всяческих зерновых культур.

И было поле волнующейся на ветру пшеницы, обнесенное забором. Не очень большое поле. И ничем не примечательное. Просто поле и растущая на нем пшеница – конечно, тут не берется в расчет зима, когда на поле оставались только голуби и вороны.

Ветер стих.

Но пшеница продолжала волноваться, и это были вовсе не те волны, которые обычно вызывает ветер. Они расходились от центра поля, будто круги по воде от брошенного камня.

Воздух зашипел и наполнился сердитым жужжанием.

Потом в центре поля с шорохом легла молодая пшеница.

По кругу.

А в небе роились и сердито жужжали пчелы.

До летнего солнцестояния оставалось несколько недель. Королевство Ланкр мирно дремало в жаре, окутавшей леса и поля.

В небе появились три точки.

Спустя некоторое время они превратились в трех женщин, каждая на помеле, летящих клином.

Присмотримся к ним повнимательнее.

Первая женщина, назовем ее вожаком, летела, гордо выпрямившись, словно бы демонстрируя полное пренебрежение сложностями полета. И похоже, в битве с сопротивлением воздуха победа была за ней. Лицо этой женщины можно было бы счесть интересным или даже приятным, но красивым его мог бы назвать только тот, кто всю жизнь мечтал обладать трехфутовым носом.

Вторая дама была коренастой и кривоногой, а лицо ее походило на залежавшееся яблоко и было исполнено почти смертельной доброжелательности. Она играла на банджо и... м-м, пела, если это можно так назвать. В песне той рассказывалось про злключения некоего ежика.

В отличие от первого помела, которое можно было бы счесть почти ненагруженным – один-два мешка не в счет, – транспортное средство второй дамы было увешано и уставлено самыми невообразимыми вещицами: пушистыми сиреневыми игрушечными осликами, штопорами в виде писающих мальчиков, бутылками вина в декоративных соломенных корзинках и прочими изделиями международной туристической культуры. А посреди всего этого устроился спать самый вонючий и злобный кот на Плоском мире.

Третья и, определенно, последняя наездница была самой молодой. В отличие от попутчиц, одетых словно вороны, на ней было платье яркой, веселенькой расцветки, которое ей абсолютно не шло, – по всей видимости, подобные платья ей вообще никогда не шли. Эта дамочка

путешествовала с выражением легкой и доброжелательной надежды на лице. В волосы ее были вплетены цветы – уже начинающие увядать, впрочем, как и их владелица.

Три ведьмы пересекли границу королевства Ланкр, а чуть позже пролетели над самой столицей. Снижение они начали над вересковыми пустошами прямо за городом, а посадку совершили рядом с вертикально стоящим камнем, который отмечал границы их территории.

Ведьмы вернулись.

И снова все было в порядке.

Это «все в порядке» длилось минут пять.

В уборной поселился барсук.

Матушка Ветровоск вынуждена была несколько раз ткнуть в него помелом – наконец до барсука дошло, и он неуклюже уковылял прочь. Затем матушка сняла ключ, висящий на гвоздике рядом со старым выпуском «Поижидневного Ещегодника», и зашагала по дорожке к своему домику.

Ее не было целую зиму! Столько дел накопилось. Забрать коз у господина Тошаги, очистить печную трубу от пауков, выловить лягушек из колодца и наконец приступить к своим обычным обязанностям – когда рядом нет ведьмы, люди могут впутаться во все, что угодно, глаз да глаз нужен.

Но сейчас матушка могла позволить себе немножко отдохнуть, посидеть, задрать ноги.

В котелке свила гнездо малиновка. Птицы залетали в хижину через разбитое стекло. Матушка аккуратно вынесла котелок на улицу и повесила его над дверью, чтобы хорек какой не добрался, после чего вернулась в дом и вскипятила воду в кастрюле.

А потом завела часы. Обычно ведьмам часы ни к чему, но матушка держала их из-за тиканья, и только. Это тиканье придавало комнате жилой вид. Часы принадлежали еще ее матери, и та заводила их каждый день.

Смерть матери особым сюрпризом не стала: во-первых, потому, что Эсме Ветровоск была ведьмой, а ведьмы обладают даром предсказывать будущее; а во-вторых, всякая настоящая ведьма должна кое-что понимать в медицине. В общем, у нее была возможность подготовиться, и она совсем не плакала, разве что чуть-чуть, на следующий день, когда в самый разгар поминок часы вдруг остановились. Помнится, она тогда выронила поднос с ветчинными рулетиками и вынуждена была на некоторое время скрыться в уборной, где ее никто бы не увидел.

Время воспоминаний. Время погрузиться в прошлое...

Часы тикали. Вода кипела. Матушка Ветровоск выудила из своего скудного багажа пакетик с чаем и ополоснула заварной чайник.

Огонь погас. Влажность, присущая обычно комнатам, в которых несколько месяцев никто не жил, постепенно вытеснялась теплом. Тени удлинились.

Время подумать о прошлом. Ведьмы обладали даром предвидеть будущее. И вскоре матушке Ветровоск предстояло заняться делом, исход которого будет зависеть от того, как она себя поведет...

Матушка задумчиво уставилась в окно. И тут все случилось.

Нянюшка Ягг, балансируя на табурете и отчаянно пытаясь не свалиться, провела пальцем по верхней кромке шкафа. Внимательно изучила результат. Палец был безукоризненно чистым.

– Гм-м, – произнесла она задумчиво, – похоже, здесь сравнительно чисто.

Невестки облегченно задрожали.

– Похоже... – многозначительно повторила нянюшка.

Девушки в ужасе прижались друг к другу.

В целом нянюшка Ягг весьма доброжелательно относилась к окружающим ее людям, однако невестки к этому «целому» не относились. С зятьями дело обстояло иначе – она помнила их имена и даже дни рождения, и они вливались в семью подобно цыплятам-переросткам, прибежавшим искать защиты под крыльями заботливой наседки. Внуки... внуки и внучки – это святое, все без исключения. Но любая женщина, имевшая неосторожность выйти замуж за одного из сыновей нянюшки Ягг, должна была подготовиться к жизни, полной душевных мук и домашнего рабства.

Сама нянюшка Ягг работами по дому не занималась, зато сполна обеспечивала таковыми работами всех вокруг.

Она слезла с табурета и улыбнулась.

– А вы неплохо следили за домом, – признала она. – Молодцы.

Но улыбка тут же исчезла с ее лица.

– Правда, я еще не проверила под кроватью в той комнате, где никто не живет, – сказала она.

Инквизиторы изгнали бы нянюшку Ягг из своих рядов за излишнюю жестокость.

В гостиную вошли другие члены семьи, и нянюшка мигом крутанулась вокруг своей оси, расплываясь в восторженной улыбке, которой она всегда приветствовала внуков.

Джейсон Ягг подтолкнул своего младшего сына вперед. Это был Пьюси Ягг, было ему четыре года, и он что-то держал в ладошках.

– А что это у тебя там? – заворковала нянюшка. – Ну-ка, покажи своей нянюшке.

Пьюси поднял ручки.

– Подумать только, ты же...

Именно тогда это и произошло. Прямо у нее на глазах.

Теперь что касается Маграт.

Ее не было дома восемь месяцев.

И сейчас она потихоньку впадала в панику. Формально Маграт была помолвлена с королем Веренсом II. Ну... не совсем помолвлена, если выразиться *точно*. Однако бытовало общее невысказанное мнение, что до помолвки этой совсем недалеко. Конечно, Маграт не уставала повторять, что свободна духом и не хочет быть связанной чем-либо, и, разумеется, на самом деле так оно и было, ну, более или менее, но... но...

Но... прошло восемь месяцев. За восемь месяцев могло случиться что угодно. Она могла прямо из Орлеи направиться домой, однако две ее подруги так увлеклись путешествием...

Маграт стерла пыль с зеркала и критически оглядела себя. Вполне пристойно. Все равно, что бы она ни делала с волосами, буквально через три минуты они спутывались, как оставленный в сарае поливочный шланг⁴. В загранице Маграт купила себе новое зеленое платье, выглядевшее таким привлекательным на манекене и висящее на ней самой будто на вешалке.

Все эти восемь месяцев Веренс правил здесь один. Конечно, Ланкр – королевство маленькое, тут даже чихнуть нельзя, чтобы не услышать в ответ «будь здоров», но Веренс – он же настоящий король, а вокруг настоящих королей вечно выются молоденькие девушки, ищущие возможности продвинуться в карьере на поприще королевы.

Маграт привела в порядок платье – насколько это было возможно – и мстительно провела гребнем по волосам.

После чего отправилась в замок.

Обязанности стражников Ланкрского замка, как правило, выполняли люди, которым в данный момент времени нечем было заняться. Сегодня дежурил Шон Ягг, младший сын нянюшки, форменная кольчуга не столько обтягивала его, сколько существовала вокруг. Когда

⁴ Который, как бы аккуратно его ни смотали, за ночь обязательно размотается и привяжет газонокосилку к велосипеду.

мимо пробежала Маграт, Шон Ягг принял позу, по его мнению, соответствующую стойке «смирно», потом бросил пику и поспешил следом за ведьмочкой.

– Э-э, госпожа, не могла бы ты бежать чуть медленнее?

Наконец он перегнал Маграт, взлетел по лестнице к двери, схватил висевшую на гвозде трубу и неумело протрубил. Но тут на его лице вновь проступила легкая паника.

– Э-э, госпожа, жди здесь, ну, прямо здесь... А потом сосчитай до пяти и постучи, – быстро проговорил он и нырнул в дверь, громко захлопнув ее за собой.

Маграт выждала некоторое время и протянула руку к дверному молотку.

Через несколько секунд Шон распахнул перед ней дверь. Лицо его покраснелось, а на голове теперь красовался напудренный парик, правда надетый задом наперед.

– Да-а-а-а? – важно протянул он, отчаянно пытаясь походить на дворецкого.

– У тебя шлем из-под парика торчит, – услужливо подсказала Маграт.

Из Шона словно выпустили воздух, глаза его судорожно завращались, пытаясь рассмотреть, что такое происходит у него на голове.

– Что, все на сенокосе? – понимающе поинтересовалась Маграт.

Шон снял парик, потом шлем, потом снова надел парик. А потом рассеянно напялил шлем поверх парика.

– Да, а дворецкий, господин Прыжкинс, слег со своей обычной болезнью. Здесь только я, госпожа. А еще я должен распорядиться об ужине, перед тем как отправлюсь домой, потому что повариха, тетушка Пышка, тоже нездорова.

– Тогда не провожай меня, – сказала Маграт. – Дорогу я знаю.

– Нет, все должно делаться по правилам, – возразил Шон. – Только иди помедленнее, а я уж обо всем позабочусь.

Он побежал вперед и распахнул какие-то двойные двери...

– Го-о-оспо-о-ожа-а-а Магра-а-а-ат Че-е-есно-о-огк!

...И поспешил к следующим дверям.

После третьей пары дверей он уже стал задыхаться, но все равно упорно мчался впереди.

– Го-о-оспо-о-ожа-а-а... Магра-а-а-а-ат... Че-е-есно-о-огк... Его вели-и-че-е-е-ство ко-о... вот дьявол, куда же он подевался?

Тронный зал был пуст.

В конце концов им удалось отыскать короля Ланкра Веренса II. Его величество пребывал в конюшне.

Некоторые рождаются королями, другие таковыми становятся, хотя звание архигенералиссимуса, он же Отец Родной, звучит ничуть не хуже. Но к Веренсу королевский сан снизошел. Соответствующего воспитания он не получил и занял трон в результате обычной генеалогической неразберихи – генеалогия королевских династий вообще штука крайне запутанная.

На самом деле Веренс учился на шута, то есть должен был стать человеком, который всегда дурачится, шутит и периодически получает в лицо тортом. Естественно, это выработало у него мрачное и серьезное отношение к жизни – и несгибаемую решимость никогда ни над чем не смеяться, особенно в присутствии тортов.

Став правителем Ланкра, он с головой ушел в самообразование. Никто никогда не объяснял ему, как быть королем, поэтому Веренс вынужден был доходить до всего самостоятельно. Перво-наперво он послал за книгами по предмету. Веренс искренне верил в полезность знаний, почерпнутых из книг.

В результате у него сложилось весьма необычное для правителя мнение, что основной задачей короля является построить такое королевство, где каждому жилось бы вольготно и привольно.

В данный момент Веренс II осматривал какое-то сложное устройство. Оно было оснащено парой оглобель для лошади и весьма походило на телегу, набитую ветряными мельницами.

Он поднял взгляд и рассеянно улыбнулся.

– Привет, – сказал Веренс. – Значит, уже вернулись?

– Гм... – начала было Маграт.

– Патентованная овощерастилка, – пояснил Веренс и похлопал по машине. – Только что доставили из Анк-Морпорка. Веяния будущего, понимаешь? Надо повышать эффективность земледелия и использования почвы. А система триполья? Нужно вводить ее в наше хозяйство.

Маграт была просто поражена.

– Но, по-моему, у нас всего три поля, – напомнила она. – К тому же на них не очень много почвы...

– Тут очень важно поддерживать баланс между зерновыми, бобовыми и корнеплодами, – чуть повысил голос Веренс. – Кроме того, я серьезно рассматриваю возможность разведения клевера. И меня очень интересует твое мнение по этому поводу.

– Гм...

– К тому же, я считаю, пора что-то делать со свиньями! – вскричал Веренс. – Мы выведем ланкрского хряка! Правда, будет очень трудно. Но мы действительно сможем увеличить прирост! Осторожное межпородное скрещивание – вот секрет успеха. Скажем, с оседлой свиньей, которая так популярна на равнине Сто! Мне должны прислать оттуда пару кабанчиков. Шон, *прекрати дуть в эту проклятую трубу!*

Шон опустил трубу.

– Это фанфары, ваше величество.

– Да, конечно, но зачем постоянно трубить? Достаточно нескольких коротких нот. – Веренс принялся. – Что-то горит?

– О, дьявол... Морковка подгорает... – Шон умчался прочь.

– Так-то лучше, – заметил Веренс. – На чем мы остановились?

– Кажется, на свиньях, – ответила Маграт. – Но на самом деле я пришла...

– Тут все от почвы зависит, – глубокомысленно изрек Веренс. – Главное – нормальная почва, а остальное приложится. Да, кстати, я назначил свадьбу на Праздник Середины Лета. Подумал, тебе должно понравиться.

Маграт от удивления раскрыла рот.

– Конечно, можно ее перенести, но ненамного. Уборка урожая, сама понимаешь, – добавил Веренс.

– И приглашения уже разосланы. Самым заметным гостям, – добавил Веренс.

– Также я подумал, неплохо будет организовать какую-нибудь ярмарку или фестиваль, – добавил Веренс.

– А еще я послал письмо в Анк-Морпорк, в лавку Куччи, чтобы они прислали сюда своего лучшего портного с различными материалами и одну из служанок примерно твоих размеров. Уверю, ты будешь довольна, – добавил Веренс.

– Сам господин Железобетонссон, ну, гномий король, специально по такому случаю спустился с гор, чтобы выковать корону, – добавил Веренс.

– А вот мой брат и труппа господина Витоллера не смогут приехать, потому что совершают турне по Клатчу, но ихний драматург Хьюл написал для нашего свадебного Представления специальную пьесу. Как он сказал, такое даже крестьяне сыграют, – добавил Веренс.

– Значит, решено? – спросил Веренс.

Голос Маграт наконец вернулся из своего далекого путешествия, правда по дороге он слегка охрип.

– А может, стоило спросить *моего* согласия?

– Что? Гм. На самом деле это вовсе не обязательно, – пояснил Веренс. – Да. Короли не спрашивают согласия. Я все проверил – в книжках. Я ведь король, понимаешь, а ты, только не обижайся, подданная. Так что твоего согласия я спрашивать не обязан.

Маграт открыла было рот, чтобы издать яростный вопль, но, слава богам, вовремя подоспел ее разум, тоже где-то бродивший.

«Да, – подсказал он. – Ты можешь завопить и умчаться, а он, вероятно, побежит за тобой».

«Скорее всего побежит», – чуть погодя поправился разум.

«Гм-м...» – откликнулась Маграт.

«А может, и не побежит. Да, он приятный мужчина, правда ростом чуть не вышел, да и глаза все время слезятся, но вместе с тем он еще и король, который по каждому вопросу консультируется с книжками. Хотя скорее всего побежит, вероятность большая».

«Но...»

«Что, хочешь провести остаток жизни, строя догадки? Он сделал тебе предложение. Ты ведь именно этого добивалась. И пришла сюда именно за этим. Верно?»

Веренс смотрел на Маграт с некоторой тревогой.

– Ты, наверное, беспокоишься о том, что ты ведьма? – наконец спросил он. – Нет-нет, ты вовсе не обязана отказываться от своего ремесла. Кроме того, к ведьмам я испытываю огромное уважение. Ты можешь быть и ведьмой, и королевой одновременно, правда, тогда тебе придется ходить в достаточно откровенных нарядах, держать кучу кошек и угощать всех отравленными яблоками. Где-то я читал о таком. Ты боишься, что это станет нам помехой?

– Да нет, – пробормотала Маграт. – Дело вовсе не в том... Э-э... Ты что-то говорил о короне?

– У тебя должна быть корона, – указал Веренс. – У всех королей есть короны. Так в книжках написано.

Тут снова встрял разум. «Королева Маграт...» – восхищенно произнес он. И ловко выставил перед ее мысленным взором небольшое зеркальце.

– Ты расстроилась? – спросил Веренс.

– Что? Нет, конечно нет...

– Хорошо. Значит, договорились. Кажется, мы ничего не забыли, а?

– Гм-м...

Веренс потер руки.

– Вот, например, с бобовыми мы просто творим чудеса! – неожиданно перескочил он на прежнюю тему, как будто ничего не произошло, как будто не он только что полностью изменил жизнь Маграт, не спросив ни разрешения, ни совета. – Бобы, горох... сама понимаешь. Натуральные удобрения. Глину и известь в нормальную плодородную почву. Вот оно, земледелие по науке. Иди сюда, ты только посмотри...

Он радостно запрыгал куда-то.

– Знаешь, – продолжал он через плечо, – а ведь мы действительно можем заставить это королевство крутиться.

Маграт поплелась следом.

Итак, все решено. Никаких тебе официальных предложений руки и сердца, просто констатация факта. Маграт сама точно не знала, каким именно будет этот момент, но почему-то ей всегда казалось, что в нем должны присутствовать розы, закат и певчие птички. Клевер – нет, клевер несколько не то. А бобы и прочие бобовые культуры явно не должны были играть главную роль.

С другой стороны, Маграт была более практичной женщиной, чем казалось тем, кто замечал лишь ее вечно рассеянную улыбку плюс коллекцию из трехсот или более оккультных украшений, ни одно из которых не работало.

Значит, вот как выходят замуж за короля. Все решено за тебя. Никаких белых лошадей. Прошлое переносится сразу в будущее и волочит тебя следом.

Но, может, так и должно быть? Короли – крайне занятые люди. Особым опытом заключения брака с королями Маграт похвастаться не могла.

– А куда мы идем? – спросила она.

– В старый розарий.

А... Это уже похоже на дело.

Вот только никаких роз там не оказалось. Обнесенный стеной садик был напрочь лишен уютных тропок и увитых зеленью беседок, зато он по пояс зарос зелеными стеблями с белыми цветочками, над которыми энергично трудились пчелы.

– Бобы? – изумилась Маграт.

– Вот именно! Пробный урожай. Я уже показал его местным крестьянам, – усмехнулся Веренс. – Они кивали, что-то мямлили, улыбались, но, боюсь, вернувшись домой, они так и будут делать все по старинке.

– Знаю, – согласилась Маграт. – Я столкнулась с такой же реакцией, когда попыталась объяснить людям, что такое естественные роды.

Веренс удивленно поднял бровь. Мысль о том, что Маграт учила рожать плодовитых женщин Ланкра, показалась ему несколько нереальной.

– Правда? А как они рожали прежде?

– О, всякими бабушкиными способами.

Они посмотрели на жужжащий бобовый огородик.

– Вот когда ты станешь королевой, тебе не придется... – начал было Веренс.

Это произошло мягко, почти как поцелуй, легко, словно прикосновение солнечного луча.

Ветра не было, появилась только тяжелая тишина, от которой затрепетало в ушах.

Стебли сгибались и ломались, ложились на землю по кругу.

Пчелы яростно жужжали и улетели.

Три ведьмы появились у стоящего камня одновременно.

В объяснениях необходимости не было. Некоторые вещи просто *знаешь*.

– В самом центре моих грядок, прямо посреди моих Трав! – воскликнула матушка Ветровоск.

– В дворцовом саду! – воскликнула Маграт.

– Бедный малыш! Он так хотел показать мне свою игрушку! – воскликнула нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск на мгновение задумалась.

– Гита Ягг, ты это о чем? – осторожно осведомилась она.

– Наш Пьюси выращивал для своей любимой бабушки горчицу и кресс-салат на фланельке, – терпеливо объяснила нянюшка Ягг. – Он показал их мне, я только наклонилась – и вдруг бац! Там появился круг!

– Все это очень серьезно, – нахмурилась матушка Ветровоск. – Последняя подобная попытка была предпринята много лет назад. И всем нам известно, что означают эти круги. А стало быть, в первую очередь...

– Гм, – выразилась Маграт.

– ...Нужно...

– Прошу прощения, – снова вмешалась Маграт.

Некоторые вещи все же требовали объяснения.

– Да?

– Лично я понятия не имею, что эти круги означают, – сказала Маграт. – Ну, то есть старая тетушка Вемпер...

– Дапокоитсеедушасмиром, – хором произнесли старые ведьмы.

- ...Однажды сказала мне, что круги очень опасны, но так и не объяснила *почему*. Старые ведьмы переглянулись.
- Она что, никогда не рассказывала тебе о Плясунах? – уточнила матушка Ветровоск.
- И ничего не говорила о Верзиле? – удивилась нянюшка Ягг.
- О каких таких Плясунах? – не поняла Маграт. – Это те старые камни на болоте?
- *Сейчас* тебе достаточно знать только то, – сказала матушка Ветровоск, – что мы должны Их остановить.
- Кого – Их?!
- Матушка излучала святую невинность.
- Круги, конечно, – пожалала плечами она.
- Э-э, нет, не отвертитесь, – помотала головой Маграт. – Ты говорила вовсе не о кругах. Ты сказала «Их» так, словно имела в виду какую-то ужасную напасть. Не просто «их», а «Их» с большой буквы.
- Старые ведьмы неловко переглянулись.
- И кто такой Верзила? – продолжала Маграт.
- О Верзиле говорить запрещено, – отрезала матушка.
- Но о Плясунах-то стоит ей рассказать. Беды особой не будет, – пробормотала нянюшка Ягг.
- Да, но ты... То есть она... Она ведь Маграт, – развела руками матушка.
- И что с того? – огрызнулась Маграт.
- Ну, я хотела сказать, ты можешь отнестись к Ним по-другому, – пояснила матушка.
- Плясуны охраняют нас от... – начала было нянюшка Ягг.
- Только не называй их!
- Да, правильно, извини.
- Кроме того, круг может и не попасть в Плясунов, – задумчиво промолвила матушка. – Это нельзя не учитывать, а стало быть, может, мы зря паникуем. Все случившееся могло быть простой случайностью.
- Но если он откроется внутри... – начала было нянюшка.
- И тут Маграт не выдержала:
- Вы все это специально! Специально говорите так, чтобы я ничего не понимала! И не только сегодня, всегда! Но ничего, скоро я стану королевой, вот тогда посмотрим...
- Обе пожилые ведьмы разом замолкли.
- Нянюшка Ягг склонила голову набок.
- О? – ухмыльнулась она. – Значит, молодой Веренс сделал тебе предложение?
- Да!
- И когда же случится это счастливое событие? – ледяным тоном осведомилась матушка Ветровоск.
- Через две недели, – ответила Маграт. – В Праздник Середины Лета.
- Неудачный выбор, очень неудачный, – покачала головой нянюшка Ягг. – Самая короткая ночь в году...
- Гита Ягг!
- И вы станете моими подданными, – продолжала Маграт, не обращая внимания на их замечания. – Должны будете приседать передо мной в реверансах и все остальное!
- Уже вымолвив эти слова, она поняла, какую глупость только что ляпнула, но гнев не позволял ей остановиться.
- Матушка Ветровоск прищурилась.
- Гм-м, – произнесла она. – Стало быть, в реверансах?
- Да, а если вы не будете этого делать, вас бросят в *темницу*.

– Подумать только, – откликнулась матушка. – Черт меня возьми. Темница – это очень плохо. Мне совсем не хотелось бы оказаться в темнице.

Все знали, что темницы замка, никогда не считавшиеся его особой достопримечательностью, сейчас совсем не использовались. Веренс II был самым благожелательным монархом в истории Ланкра. Подданные относились к нему с некоторым доброжелательным презрением, которого удостоивается всякий, незаметно и добросовестно трудящийся на благо общества. Кроме того, Веренс скорее отрезал бы себе ногу, чем посадил бы в тюрьму ведьму, – это позволило бы избежать многих бед и было бы менее болезненным.

– Стало быть, королева Маграт? – встряла нянюшка Ягг, пытаясь несколько разрядить атмосферу. – Неплохо, неплохо. Старый замок давно пора чуточку оживить.

– О, он оживится, в этом можешь не сомневаться, – сказала матушка Ветровоск.

– Впрочем, – фыркнула Маграт, – я не обязана заниматься всякими глупостями. Это *ваше* дело. Ну а у меня... у меня просто не будет времени.

– Вы можете поступать как вам заблагорассудится, ваше будущее королевское величество, – кивнула матушка Ветровоск.

– Ха! – воскликнула Маграт. – Конечно, могу! А вы можете поискать для Ланкра другую ведьму! Понятно? Другую сентиментальную девчонку, которая станет выполнять за вас всю грязную работу и которой можно будет ничего не говорить. А я займусь чем-нибудь более приятным!

– Более приятным, чем быть ведьмой? – уточнила матушка.

Маграт не заметила тона матушки.

– Да!

– Вот дьявол, – пробормотала нянюшка.

– Хорошо, – промолвила матушка острым как нож голосом. – Что ж, полагаю, сейчас вы пожелаете удалиться. К себе во дворец.

– Да!

Маграт подняла свое помело.

Но матушка быстро вскинула руку, преграждая ей путь.

– О нет, – сказала она, – это не дело. Королевы путешествуют в золоченых каретах или в чем-нибудь еще. Каждому свое. А помело предназначается для *ведьмы*.

– Перестаньте, вы обе, – начала было нянюшка Ягг, один из лучших в мире посредников. – Можно быть и королевой и ведь...

– А мне-то что? – рявкнула Маграт, бросая помело. – Меня такие вещи больше не интересуют.

Она повернулась, подобрала платье и побежала. Скоро был виден лишь ее силуэт на фоне заходящего солнца.

– Ты, гляжу, совсем из ума выжила, Эсме, – сказала нянюшка Ягг. – Нельзя ж так. И все из-за того, что она выходит замуж?

– Ты сама знаешь, как она поступит, если мы ей все расскажем, – возразила матушка Ветровоск. – Она не поймет. Эти существа. Круги. Она сказала бы, что они... *хорошие*. Лучше ей в этом не участвовать.

– Прошло много лет, с тех пор как они в последний раз просыпались, – покачала головой нянюшка. – Нам потребуется помощь. То есть... когда ты последний раз ходила к Плюсунам?

– Ты же знаешь, как оно бывает, – вздохнула матушка. – Когда все тихо... о Них как-то забываешь.

– Надо посмотреть, что там да как. Может, стоит кое-что подчистить.

– Верно.

– Завтра с утра, пораньше, – сказала нянюшка Ягг.

– Да.

– И не забудь захватить серп.

В королевстве Ланкр существовало не много таких мест, где можно было бы спокойно поиграть в футбол – если вы хотели действительно поиграть, а не бегать за постоянно укатывающимся мячом. Большую часть страны составляли вересковые пустоши, лесистые холмы, переходившие в крутые зубчатые горы, на которые не рисковали забираться даже тролли, и глубокие долины-расщелины, угодив в которые солнечный свет никогда не выбирался наружу.

Тропинка к вересковой пустоши, на которой стояли Плясуны, почти заросла, хотя находилось это место всего в нескольких милях от города. Иногда сюда забредали охотники, но только случайно. Не то чтобы охота тут была плохой, просто...

...Здесь стояли камни.

Круги из камней достаточно часто встречаются в горах. Друиды строили их в качестве предсказывающих погоду компьютеров, а всегда легче построить новый 33-мегалитный компьютер, чем сделать апгрейд старому и медленному кругу.

Но друиды никогда не приближались к Плясунам.

Камни эти не имели определенной формы. Они даже не были расположены в каком-то определенном порядке. И солнечные лучи не падали на рассвете определенного дня на определенный камень. Кто-то просто приволок в лес восемь глыб и воткнул их по окружности.

Однако погода здесь была другой. Поговаривали, что если начинался дождь, то внутри круга это происходило на несколько секунд позже, чем снаружи, как будто капли падали откуда-то издалека. И то же самое случалось, когда на солнце вдруг набегала какая-нибудь тучка, – внутри круга солнечный свет исчезал на пару секунд позже.

Через несколько минут Вильяму Скрябу предстояло умереть. Сразу необходимо отметить, что ему не следовало охотиться на оленей не в сезон, тем более на такого прекрасного самца и уж тем более на красного овщепикского оленя, который официально был признан вымирающим. Впрочем, как уже говорилось выше, опасность полного и окончательного вымирания нависла скорее над Вильямом Скрябом.

Олень шел впереди и так громко шуршал папоротником, что со следа не сбился бы даже слепой.

Скряб крался за ним.

Туман все еще нависал над камнями, но его сплошной покров уже превратился в рваные полосы.

Олень приблизился к кругу и остановился. Нерешительно потоптался на месте, потом оглянулся и вдруг увидел Скряба.

Охотник вскинул арбалет.

Олень повернулся и прыгнул между камней.

После этого момента воспоминания становятся отрывочными. Первое...

...Касалось *расстояния*. Диаметр окружности составлял всего несколько ярдов, она просто не могла содержать такое большое *пространство*.

Следующее...

...Касалось *скорости*. Что-то выходило из круга, какая-то белая точка, становившаяся все больше и больше.

Арбалет был наведен на цель, но сильным ударом существо вырвало оружие из рук Скряба, а потом появилось ощущение...

...*Покоя*.

И краткое воспоминание о боли.

Вильям Скряб умер.

Вильям Скряб глядел сквозь пальцы на примятый папоротник. А примят он был потому, что в папоротнике валялось тело Вильяма Скряба.

Свежеумершие глаза осмотрели окрестности.

У мертвых не бывает галлюцинаций. Смерть похожа на пробуждение после хорошей попойки: сначала – пара секунд невинной свободы, и только потом вы начинаете вспоминать поступки прошлого вечера, казавшиеся тогда столь логичными и смешными. Затем вы припоминаете действительно *поразительную* выходку с абажуром и двумя воздушными шарами, над которой все хохотали до боли в животе. После чего осознаете, что сегодня вам предстоит посмотреть людям в глаза, только сегодня вы трезвы и они тоже трезвы, а главное – и вы и они *помните*.

– О, – изрек Скряб.

Ландшафт словно обволакивал камни. Когда смотришь с другого плана существования, все кажется столь очевидным...

Очевидным. Никаких стен, только двери. Никаких кромок, только углы...

– ВИЛЬЯМ СКРЯБ?

– Да?

– ПРОШУ ПРОСЛЕДОВАТЬ СЮДА.

– Ты тоже охотник?

– СКОРЕЕ ВОР, СОБИРАТЕЛЬ ОСТАВЛЕННЫХ БЕЗ ВНИМАНИЯ МЕЛОЧЕЙ. ПРЕДПОЧИТАЮ, ЧТОБЫ ТАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ.

Смерть с надеждой улыбнулся. Скряб нахмурил ныне бестелесные брови.

– Что? Типа булавок и пуговиц?

Смерть вздохнул. Метафоры редко когда доходят до людей. Порой ему даже казалось, что на самом деле всерьез его никто не воспринимает.

– Я ЗАБИРАЮ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ, – несколько раздраженно пояснил он.

– Куда?

– ВОТ ЭТО НАМ И ПРЕДСТОИТ ВЫЯСНИТЬ.

Вильям Скряб уже исчезал в тумане.

– Эта тварь, которая мне так врезала...

– ДА?

– Я думал, они вымерли.

– НЕТ. ПРОСТО УШЛИ.

– Куда?

Смерть показал костлявым пальцем.

– ТУДА.

До свадьбы Маграт не собиралась переезжать во дворец – людская молва, сплетни и всякое такое. Конечно, во дворце много кто жил, свободных комнат там хватало с избытком, но она будет находиться *под одной крышей с...* Одно этого достаточно. А если не хватит, то люди додумают.

Так она считала раньше. Но сейчас кровь ее буквально кипела. А и пусть говорят. Известно, кто именно будет говорить. Все известно. *Ведьмы*. Ха. Пусть болтают что хотят.

Она поднялась рано утром и принялась собирать свои небогатые пожитки. Хижина ей не принадлежала, как, впрочем, и мебель. Ведьмы приходят и уходят, а хижины пребывают вечно, обычно под той же соломенной крышей.

Зато Маграт принадлежали: комплект волшебных ножей, мистические цветные шнурочки, различные чаши и тигли плюс шкатулка, полная колец, ожерелий и браслетов с алхимическими символами самых разных религий. Все это она сложила в мешок.

Кроме того, были книги. Среди ведьм тетушка Вемпер слыла книжным червем. Целая дюжина книг, представляете? Маграт немного посомневалась, а потом оставила их на полке.

И была еще обязательная черная шляпа. Шляпа никогда ей не нравилась, и Маграт предпочитала ее не носить. В мешок.

Обведя комнату безумным взором, Маграт заметила у камина маленький котелок. И его туда же. В мешок и затянуть шнурком.

По пути во дворец, пересекая по мосту Ланкрский провал, она бросила мешок в реку.

Несколько секунд он покачивался на поверхности, после чего пошел на дно.

Маграт втайне надеялась увидеть разноцветные пузырьки или хотя бы услышать шипение. Но мешок просто взял и утонул. Словно не представлял собой ничего особенного.

Другой мир, другой дворец...

Черный конь галопом пересек замерзший крепостной ров, от животного и от тела, лежавшего у него на шее, валили клубы пара.

Всадник-эльф взлетел на коне по ступеням прямо в тронный зал, где, погруженная в свои мысли, сидела королева...

– Господин Ланкин?

– Олень!

Олень был еще жив. Тут эльфы были искусники: попавшее к ним живое существо могло жить целые недели.

– С той стороны круга?

– Да, госпожа.

– Я же говорила, силы слабеют.

– Но когда? Когда же?!

– Скоро, очень скоро. А что прошло в ту сторону?

Эльф попытался отвести глаза.

– Ваш... любимец, госпожа.

– Вряд ли он уйдет далеко от круга. – Королева рассмеялась. – Но повеселится он хорошо, в этом я не сомневаюсь...

На рассвете прошел дождь.

Нет ничего более неприятного, чем пробираться через доходящий до плеч мокрый папоротник. Впрочем, есть. Существует бесчисленное множество вещей, сквозь которые еще более неприятно пробираться, особенно если вы погружены в них по шею. «Но здесь и сейчас, – подумала нянюшка Ягг, – на ум приходит только одна, ну две, не больше».

Само собой разумеется, приземляться внутри Плясунов они не собирались. Сами птицы облетают их стороной. Даже пауки, мигрирующие на осенних паутинках, предпочитают сделать крюк в полмили, лишь бы не пролетать над камнями. Облака разделялись и огибали круг стороной.

Над камнями висел туман. Липкий, мокрый туман.

Нянюшка рассеянно подрезала папоротник своим серпом.

– Эй, Эсме, ты куда запропастилась? – окликнула она.

Из зарослей папоротника в нескольких футах от нянюшки вынырнула голова матушки Ветровоск.

– Здесь что-то не так, – сказала она нарочито холодно и размеренно.

– Да?

– Папоротник и трава вокруг камней примяты. По-моему, здесь кто-то *танцевал*.

Нянюшка Ягг отнеслась к услышанному, как физик-ядерщик, которому сообщили, что кто-то, чтобы согреться, стучит двумя кусками урана докритической массы.

– О нет, – выдохнула она.

– О да. И вот еще что...

Трудно было представить, что могло случиться нечто худшее, но нянюшка Ягг все же спросила:

– Ну?

– Тут кого-то убили.

– О боги, – простонала нянюшка Ягг. – Надеюсь, не внутри круга?

– Нет. Что за глупые вопросы? Это случилось снаружи. Высокий мужчина. Одна нога короче другой. С бородой. Возможно, он был охотником.

– Но как? Как ты все это узнала?

– Я только что на него наступила.

Лучи солнца пробивались сквозь туман.

А в пятистах милях утренние лучи уже ласкали древние камни стен Незримого Университета – главного волшебного заведения на Плоском мире.

Правда, не все волшебники этот факт признавали.

Для большинства волшебников Незримого Университета первым приемом пищи являлся обед. Вообще говоря, волшебников нельзя назвать яркими поборниками завтраков. Только аркканцлер и библиотечарь узнали бы рассвет в лицо, зато каждое утро весь Университет был целиком и полностью в их распоряжении.

Библиотечарь всегда вставал рано, поскольку был орангутаном, а орангутаны всегда встают рано; правда, он не оглашал окрестности воплями, чтобы отпугнуть других самцов. Он просто открывал библиотеку и кормил книги.

А Наверн Чудакулли, занимавший в то время пост аркканцлера, любил побродить по сонным зданиям, кивая слугам и оставляя записки подчиненным (цель у этих записок была только одна – сообщить, что аркканцлер уже бодрствовал и занимался делами, когда нерадивые младшие волшебники еще видели сладкие сны⁵).

Сегодня, однако, голову аркканцлера занимало нечто иное. Причем «занимало» в более или менее буквальном смысле этого слова.

Оно было круглым. А вокруг росли здоровые волосы. Аркканцлер готов был поклясться, что вчера ничего подобного там не было.

Он вертел головой то в одну, то в другую сторону и рассматривал в зеркале *другое* зеркало, которое держал над затылком.

Следующим служащим, просыпавшимся после Чудакулли и библиотечаря, был казначей, однако вовсе не потому, что казначей любил вставать рано, а потому, что к десяти часам весьма ограниченный запас терпения аркканцлера иссякал, Наверн Чудакулли вставал на нижней площадке лестницы и начинал орать:

– Казначей!!!

...Пока казначей не появлялся.

На самом деле вопль раздавался ровно в одно и то же время, поэтому вскоре казначей, прирожденный нервоядный⁶, научился подниматься и одеваться во сне в точности за несколько минут до рева аркканцлера. Сегодня он принял вертикальное положение, оделся и даже успел дойти до двери – и только потом открыл глаза.

Чудакулли никогда не тратил время на пустые разборки. Разборки должны быть насыщенными – либо никакими.

– Да, аркканцлер, – мрачно произнес казначей.

Аркканцлер снял шляпу.

⁵ Такое случается постоянно и повсеместно по всей множественной вселенной, даже на холодных планетах, омываемых жидким метаном. Никто не знает почему, но в любой группе наемных работников раньше всех всегда встает начальник, который имеет дурную привычку оставлять на столах подчиненных укоризненные записки (или покрытые гравировкой кристаллы гелия). На самом деле единственным местом, где такая ситуация возникает довольно редко, является планета по имени Зирикс, но только потому, что у Зирикса целых восемнадцать солнц и встать рано утром возможно лишь раз в 1789,6 года. Но даже там, раз в каждые 1789,6 года, словно подчиняясь некоему общему сигналу, главные работодатели вползают в контору, сжимая в щупальцах створки ракушек с укоризненными посланиями.

⁶ То есть существующий исключительно за счет собственных нервов.

– Ну, что скажешь? – резко осведомился он.

– Гм... Гм... *О чем*, аркканцлер?

– Об этом! Об этом вот!

Близкий к панике казначей в отчаянии уставился на макушку Чудакулли.

– О чем? А... О плешах?

– Нет у меня никакой плеша!

– Э-э, тогда...

– То есть еще вчера ее не было!

– А. Ну. Гм. – В определенные моменты что-то замыкало в голове казначей, и он уже не мог остановиться. – Конечно, такое иногда случается, вот мой дедушка, помню, спасался настоем из меда и конского навоза, втирал каждый день и...

– Я *не* лысею!

Нервный тик исказил лицо казначей. Слова принялись вылетать изо рта самостоятельно, без всякого участия мозга.

– А еще у него была такая штука со стеклянным стержнем, и, и... трешь ее шелковым платочком, она и...

– Это просто возмутительно! В моей семье никогда никто не лысел! Одна из теток, но она не в счет!

– И, и, и он собирал утреннюю росу и мыл в ней голову, и, и, и...

Чудакулли замолк. Он не был злым человеком.

– Ты сейчас что пьешь? – осведомился он.

– Су-су-су... – залепетал казначей.

– Все так же глотаешь эти свои пилюли из сушеных лягушек?

– Д-д-д-д-д.

– В левом кармане?

– Д-д-д-д-д.

– Так... Теперь глотай.

Несколько секунд они тупо смотрели друг на друга.

Потом казначей обмяк.

– М-м-мне уже гораздо лучше, аркканцлер, спасибо.

– Что-то явно происходит, казначей. Печенкой чувствую.

– Как скажешь, аркканцлер.

– Кстати, ты что, в тайное общество какое вступил?

– Я... Конечно, *нет*, аркканцлер.

– Тогда сними с головы подштанники. Тебе не идет.

– Знаешь его? – спросила матушка Ветровоск.

Нянюшка Ягг знала в Ланкре всех, в том числе и то жалкое существо, которое сейчас валялось в папоротнике.

– Вильям Скряб из Ломтя, – мигом откликнулась она. – Один из троих братьев. Помнишь, он еще женился на девчонке Тюфяксов, на той, у которой зубы с проветриванием?

– Надеюсь, у бедняжки найдется приличное черное платье, – покачала головой матушка Ветровоск.

– Похоже, его чем-то закололи, – констатировала нянюшка Ягг, осторожно, но решительно переворачивая тело.

К трупам она относилась спокойно. Ведьмы часто готовили тела к погребению, а также выступали в качестве повивальных бабок, поэтому для многих людей в Ланкре лицо нянюшки Ягг было первым и последним впечатлением – эти два события настолько впечатывались в память, что вся остальная жизнь между ними могла показаться скучной и серой.

– Насквозь, – охнула она. – Его ж насквозь проткнули. Вот это да! Кто ж сотворил такое? Обе ведьмы разом повернулись и посмотрели на камни.

– Не знаю, *что* это было, но точно знаю, откуда оно явилось, – буркнула матушка Ветровоск.

Теперь нянюшка Ягг тоже заметила, что папоротник вокруг камней примят и весь почернел.

– Вот теперь я пойду до конца, – мрачно промолвила матушка.

– Ты, главное, не ходи...

– Я сама знаю, куда следует ходить, а куда не следует. Спасибо за совет.

Плясунами назывались восемь камней, и у трех из них были собственные имена. Матушка двинулась в обход круга, пока не подошла к каменюке по прозвищу Трубач.

Она вытащила одну из булавок, которыми была приколоты к волосам остроконечная шляпа, поднесла ее к камню, после чего отпустила.

Потом вернулась к нянюшке.

– В камнях еще сохранилась сила, – констатировала матушка. – Ее немного, но есть.

– Кто мог настолько ополоуметь, чтобы прийти сюда и плясать вокруг камней? – изумилась нянюшка Ягг и добавила чуть погодя, когда в голову пришла предательская мысль: – Маграт все время была с нами.

– Кто? Это нам и предстоит выяснить, – ответила матушка с мрачной улыбкой. – А теперь помоги-ка поднять этого беднягу.

Нянюшка Ягг наклонилась над телом.

– Тяжеленный какой. Жаль, Маграт с нами нет.

– А вот я об этом ничуть не жалею. Слишком уж она легкомысленная. Ей легко вскрыть голову.

– Хотя очень приятная девушка.

– Но сентиментальная. Думает, что жизнь можно прожить как в сказке и что народные песни соответствуют истине. Но я все равно желаю ей счастья.

– Надеюсь, из нее получится хорошая королева.

– Мы научили ее всему, что она знает, – сказала матушка Ветровоск.

– Ага, – согласилась нянюшка Ягг, пятясь в заросли папоротника. – Слушай, как ты думаешь... может...

– Что?

– Как думаешь, может, стоит научить ее всему, что знаем мы?

– На это уйдет слишком много времени.

– Пожалуй, ты права.

Письма доходили до аркканцлера достаточно долго. Почту от ворот Университета забирал тот, кто проходил мимо, и складывал на полку. Или использовал для того, чтобы прикурить трубку. Или в качестве книжной закладки. Или, как в случае с библиотекарем, в качестве матраца.

Это письмо попало к аркканцлеру всего через два дня и было практически невредимым, если не считать пары кругов от чашки и бананового отпечатка пальца. Его доставили к столу вместе с прочей почтой, когда преподавательский состав Университета завтракал. Декан вскрыл конверт ложкой.

– Кто-нибудь знает, где находится Ланкр? – вдруг спросил он.

– А зачем тебе? – спросил аркканцлер, резко подняв голову.

– Какой-то король женится и хочет, чтобы мы приехали.

– Мило, очень мило! – воскликнул профессор современного руносложения. – Какой-то мелкотравчатый король женится и хочет, чтобы приехали *мы*?!

– Это высоко в горах, – тихо произнес аркканцлер. – Насколько я помню, там неплохо ловится форель. Подумать только. Ланкр... О боги. Не вспоминал о нем уже сто лет. Знаете, там есть ледниковые озера, рыба в которых никогда не видела удочки. Ланкр. Да.

– Слишком далеко, – кивнул профессор современного руносложения.

Но Чудакулли ничего не слышал.

– А еще там есть олени. Тысячи оленей. И лоси. Волки везде бегают. И горные львы, ничего удивительного. Я слышал, там даже ледяные орлы встречаются.

Его глаза смотрели куда-то далеко-далеко.

– Их всего-то осталось с полдюжины.

Наверн Чудакулли очень много делал для редких видов животных. В частности, заболтался о том, чтобы они оставались редкими.

– Самая что ни на есть глушь, – сообщил декан. – На самом краю карты.

– На каникулах я гостил там у своего дяди, – произнес Чудакулли, и глаза его затуманились слезами. – О, как я проводил там время... Великолепно. Там такое лето... Небо синее, как нигде больше... Там очень... И трава... И...

Он резко вернулся из просторов воспоминаний.

– Значит, нужно ехать, – резко выпрямился он. – Долг зовет. Глава государства сочетается браком. Очень важное событие. Волшебники должны на нем присутствовать. Хотя бы для вида. Положение обвязывает, как говорится.

– Лично я никуда не поеду, – решительно заявил декан. – Это же противоестественно, я имею в виду сельскую местность. Слишком много деревьев. Терпеть их не могу.

– А вот казначею не мешало бы проветриться, – сказал Чудакулли. – В последнее время он стал каким-то нервным, понятия не имею почему. – Он наклонился и уставился вдоль стола. – Казначе-е-ей!

Казначей уронил ложку в кашу.

– Вот видите, – развел руками Чудакулли. – Комок нервов. Я ГОВОРИЛ, ЧТО ТЕБЕ НЕ ПОМЕШАЕТ ПОБЫТЬ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ, КАЗНАЧЕЙ. – Аркканцлер ткнул локтем декана. – Надеюсь, бедняга еще не сбрендил окончательно, – произнес он, как ему казалось, шепотом. – Слишком много времени проводит в помещении, ну, ты-то меня понимаешь.

Декан, который выходил на улицу в среднем один раз в месяц, только пожал плечами.

– ТЕБЕ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ПОЙДЕТ НА ПОЛЬЗУ ВЫЕХАТЬ НА ПРИРОДУ, ПОДАЛЬШЕ ОТ УНИВЕРСИТЕТА, А? – прокричал аркканцлер, кивая и жутко гримасничая. – Тишина и покой? Здоровая сельская жизнь?

– Я, я, я... Буду очень рад, аркканцлер, – выдавил казначей. На его лице, подобно осеннему грибу, проступила надежда.

– Молодец, молодец, – похвалил аркканцлер с лучезарной улыбкой. – Поедешь со мной. Лицо казначея свело от ужаса.

– Нужен еще кто-нибудь, – оглянулся по сторонам Чудакулли. – Добровольцы есть?

Волшебники – все как один городские жители – с крайне заинтересованным видом уставились в свои тарелки. Они всегда проявляли уважение к еде, но на сей раз никому не хотелось, чтобы взгляд Чудакулли упал именно на него.

– Может, библиотекарь? – предложил профессор современного руносложения, бросив жертву на растерзание волкам.

Раздался одобрителный гомон.

– Хороший выбор, – поддержал декан. – Это как раз для него. Сельская местность. Деревья. А еще... деревья.

– Горный воздух, – подсказал профессор современного руносложения.

– Да, последнее время наш библиотекарь как-то неважно выглядит, – быстро согласился магистр неписанных текстов.

- Полагаю, соскучился по дому, – покачал головой декан. – Там ведь везде деревья. Все выжидающе посмотрели на аркканцлера.
- Он не носит одежду, – сказал Чудакулли. – И постоянно у-укает.
- Он носит старый зеленый халат, – возразил декан.
- Но только после ванны.

Чудакулли шумно почесал в бороде. На самом деле библиотекарь ему нравился – никогда с ним не спорил и всегда сохранял хорошую форму, пусть даже она была несколько грушевидной, но для орангутана такая форма считается нормальной.

Здесь следует отметить, никто из волшебников уже и не замечал, что в библиотеках у них ходит орангутан, если только какой-нибудь гость Университета специально не обращал внимание на сей факт. На что, как правило, отвечали примерно следующее: «О да. Какой-то магический несчастный случай, если не ошибаюсь. Почти уверен, что именно так все и случилось. Был человек, стал примат. Самое смешное... я и не припомню, как он выглядел до этого. Ну, то есть он же когда-то *был* человеком. Да, странно, хотя лично я всегда считал его приматом. Право, ему так лучше».

И действительно, то был несчастный случай, утечка магии – в библиотеке Университета хранится множество очень могущественных волшебных книг. В результате генотип библиотекаря был волшебным образом спущен по эволюционному дереву, а потом поднят обратно, но уже по другой ветви. Зато на этой ветви можно было качаться вверх ногами.

– Ну хорошо, хорошо, – сдался наконец аркканцлер. – Но на церемонию ему придется что-то надеть. Невесту хоть пожалейте.

Казначей жалобно захныкал.

Все волшебники разом повернулись к нему.

Ложка казначея с глухим стуком упала на пол. Она была деревянной. После случая, вошедшего в университетскую историю под названием Досадного Происшествия За Обедом, волшебники запретили казначею пользоваться металлическими столовыми приборами.

– А-а-а-а, – пробулькал казначей, пытаясь отодвинуться от стола.

– Пилюли из сушеных лягушек! – воскликнул аркканцлер. – Кто-нибудь, достаньте из его кармана пузырек!

Исполнять приказ аркканцлера никто не спешил. У волшебника в карманах может лежать что угодно: горошины, всякие невообразимые штуковины с лапками, маленькие экспериментальные вселенные – все, что угодно...

Магистр неписанных текстов вытянул шею, чтобы посмотреть, что стало причиной безумия его коллеги.

– Вы поглядите на его кашу! – воскликнул он.

На поверхности овсяной каши появилось углубление идеально круглой формы.

– Вот те на, еще один круг, – сказал декан.

Волшебники подуспокоились.

– В этом году их что-то слишком много расплодилось... – покачал головой аркканцлер и поправил шляпу, которая прижимала к затылку тряпочку, пропитанную мазью из меда и конского навоза.

Также в шляпу влез маленький электростатический генератор с мышинным приводом, разработанный специально для аркканцлера молодыми умниками с факультета высокоэнергетической магии. Умные парни, когда-нибудь, возможно, ему удастся понять хотя бы половину из того, о чем они постоянно лопочут...

– К тому же разных размеров, – продолжил его мысль декан. – Вчера садовник жаловался мне, что капусту в этом году всю подавило.

– А я думал, они появляются только на полях или на чем-нибудь подобном, – удивился Чудакулли. – Всегда считал их нормальным природным явлением.

– В случаях повышенной флуктуации межконтинуумное давление способно превышать базовый коэффициент реальности, – изрек магистр неписанных текстов.

Разговоры прекратились. Все повернулись, чтобы посмотреть на этого наиболее жалкого и наименее старшего члена профессорского состава.

Взгляд аркканцлера стал сердитым.

– Лучше молчи. Даже не пытайся объяснять, – сказал он. – А то опять начнешь твердить, мол, вселенная наша и не вселенная вовсе, а резиновая простыня с грузами, ну и так далее...

– Э-э, не совсем, но...

– Ага, конечно, как же я забыл, есть ведь еще кванты.

– Ну...

– Знаем мы эти твои континуумы.

Магистр неписанных текстов – молодой волшебник, которого звали Думминг Тупс, – глубоко вздохнул.

– Нет, аркканцлер, я только хотел подчеркнуть...

– Про червоточины мы тоже уже слышали.

Тупс сдался. Поскольку Чудакулли был начисто лишен воображения, метафоры действовали на него, как красная тряпка на бы... как что-то очень раздражительное на человека, легко раздражающегося.

Быть специалистом по неписанным текстам – тяжелый труд⁷.

– Думаю, тебе тоже стоит съездить с нами, – сказал Чудакулли.

– Мне, аркканцлер?

– Хватит бродить без дела и придумывать миллионы всяческих вселенных, которые якобы слишком малы, чтобы их увидеть. И мы по горло сыты твоим любимым континуумом, – продолжал Чудакулли. – Кроме того, должен же кто-то носить мои удочки и арба... мои вещи.

Тупс устался в тарелку. Спорить было бесполезно. От жизни он хотел только одного: провести следующие сто лет в Университете, сытно и часто питаться, а между приемами пищи никаких лишних движений не совершать. Это был пухлый молодой человек с живым лицом – причем такое живет обычно где-нибудь под камнем. Все постоянно твердили Тупсу, что с его жизнью нужно что-то делать, а он и не возражал. Он твердо решил сделать из нее кровать.

– Но, аркканцлер, – не успокаивался профессор современного руносложения, – как ни крути, это все равно *очень* далеко.

– Чепуха, – махнул рукой Чудакулли. – Уже открыли скоростной тракт до самого Сто Гелита. Кареты каждую среду, регулярно. Казначе-е-е-ей! Дайте же ему этих пиллюль, наконец. Господин Тупс, если ты вдруг, совершенно случайно, на пяток минут заглянешь в эту вселенную, будь так любезен, сходи и закажи билеты.

Маграт проснулась.

И поняла, что перестала быть ведьмой. Ощущение этого пришло к ней следом за обычным переучетом, который автоматически производится любым телом после пробуждения от сна: руки – 2 штуки, ноги – 2 штуки, экзистенциальный ужас – 58 %, случайное чувство вины – 94 %, уровень колдовства – 00,00 %.

⁷ Исследование невидимых писаний было новой дисциплиной, связанной с открытием двухмерной природы Библиотеко-пространства. Волшебная математика – крайне сложная наука, но в упрощенном виде может быть представлена утверждением, что все книги, где бы они ни находились, действуют на другие книги. Это очевидный факт. Книги стимулируют написание книг в будущем, используют цитаты из книг, написанных в прошлом. Общая Теория* Б-пространства предполагает, что в таком случае содержание книг, *еще не написанных*, может быть выведено из книг, уже существующих.*Есть еще и Специальная Теория, но практически никто ей не занимается, поскольку невооруженным глазом видно, что это – бред сумасшедшего.

Все дело было в том, что другой она себя не помнила. Она всегда была ведьмой. Маграт Чесногк, ведьма в третьем поколении. Нормальная, обычная ведьмочка.

Сразу было понятно, что хорошей ведьмы из нее не выйдет. Конечно, она умела колдовать, причем неплохо, искусно применяла травы, но Маграт никогда не была ведьмой *до костей мозга*. И ее бывшие подружки неустанно напоминали ей об этом.

Что ж, придется овладеть профессией королевы. По крайней мере, в Ланкре она будет единственной королевой. Никто не станет выглядывать из-за плеча и укорять: «Ты *неправильно* держишь скипетр!»

Да...

Ночью кто-то спер ее одежду.

Поднявшись, Маграт на цыпочках – плиты были очень уж холодными – поскакала к двери, но та вдруг распахнулась сама.

Темноволосую девушку, едва видимую за огромной стопкой белья, Маграт узнала сразу. Большинство жителей Ланкра знали друг друга.

– Милли Хлода?

Стопка белья сделала реверанс.

– Да, ‘м?

Маграт взяла у нее часть белья.

– Это я, Маграт. Привет.

– Да, ‘м.

Еще один книксен.

– Что с тобой, Милли?

– Да, ‘м.

Очередное приседание.

– Я же сказала, это – я. Ты чего на меня так уставилась?

– Да, ‘м.

Нервным приседаниям не было конца. Маграт вдруг почувствовала, что ее ноги тоже начинают дергаться в унисон, но с некоторой задержкой – она опускалась вниз, а Милли уже подпрыгивала вверх.

– Еще раз скажешь «да, ‘м», и я поступлю с тобой очень жестоко, – наконец успела выдохнуть Маграт, пролетая мимо стремящейся вверх Милли.

– Д... Слушаюсь, ваше величество, м’м.

В голове Маграт забрезжило некоторое понимание.

– Я еще не королева, Милли. И ты знаешь меня уже двадцать лет, – задыхаясь, пробормотала Маграт на пути вверх.

– Да, ‘м. Но ты *станешь* королевой. Поэтому моя мама сказала, что я должна проявлять уважение, – Милли по-прежнему нервно приседала.

– Ну, хорошо. Где моя одежда?

– Здесь, ваше королевское предвеличество.

– Это не моя. И прошу тебя, перестань дергаться, меня уже мутит.

– Король специально заказал это из Сто Гелита, м’м.

– Правда? Когда?

– Понятия не имею, м’м.

«Он *знал*, что я вернусь, – подумала Маграт. – Но откуда? Что здесь происходит?»

Кружев было больше, чем обычно позволяла себе Маграт, но они были лишь глазурью на торте. Как правило, Маграт носила простое платье, под которым почти ничего не было, кроме самой Маграт. Знатные дамы предпочитали иные одеяния. Милли захватила с собой схему, но это не особо помогло.

Некоторое время они изучали чертеж.

– Стало быть, это и есть стандартный наряд королевы?

– Не могу сказать, м'м. Наверное, его величество просто послал много денег и приказал доставить все.

Они разложили составные части туалета на полу.

– Пантуфля – это, по-моему, вот эта штука. Как думаешь?

Снаружи, на стене с бойницами, сменилась стража. Вернее, стражник надел фартук садовника и отправился пропалывать бобы. А внутри продолжался горячий портновский спор.

– Кажется, ты надела это не той стороной, м'м. Тут где-то должны быть фижмы...

– Здесь говорится: «Вставьте питлю А в проресь Б». Никак не могу найти «проресь Б». А это что, *седельные сумки*? Нет, такое я надевать не буду. Что это за материал?

– По-моему, парча.

– Больше похоже на *картон*. И я должна носить эту штуку *каждый день*?

– Э-э, не знаю, м'м.

– Но Веренс везде бегает в кожаных гетрах и старой куртке.

– Да, но ты – королева. Королевам такое непозволительно. Это короли могут бегать по дворцу с торчащей из штанов за...

Милли быстро прикрыла рот ладошкой.

– Все в порядке, – успокоила ее Маграт. – Уверена, у королей за... верхняя часть ног такая же, как и у других людей. Говори, что хотела сказать.

Милли стала ярко-красной.

– Я имела в виду, в виду, в виду, что королева должна выглядеть как настоящая дама... – наконец выдавила она. – У короля есть даже специальные книги об этом. Этикетки и всякое такое прочее.

Маграт критически осмотрела себя в зеркале.

– Тебе действительно идет, ваше скоро-будете-величество, – похвалила Милли.

Маграт повернулась перед зеркалом туда-сюда.

– На голове у меня бардак, – сделала вывод она.

– Да будет мне позволено сказать, м'м, король заказал парикмахера из самого Анк-Морпорка. Он должен приехать к свадьбе, м'м.

Маграт попыталась пригладить прядь волос. Медленно, но верно она осознавала, что стать королевой не так уж и просто. Это все равно что начать жить заново.

– Подумать только! А что теперь?

– Не знаю, м'м.

– А что делает король?

– Он рано позавтракал, а потом умчался в Ломоть учить старого Грязза, как разводить свиней по книге.

– А мне что делать? Ну, то есть какие у меня *обязанности*?

Вопрос этот явно поставил Милли в тупик, хотя, надо отметить, лицо ее при этом почти не изменилось.

– Не знаю, м'м. Править, наверное. Гулять по саду. Устраивать приемы при дворе. Ткать гобелены. Очень популярное среди королев занятие. А потом... э... потом следует позаботиться о продолжении королевской династии...

– Пока что, – твердо сказала Маграт, – ограничимся гобеленами.

С библиотекарем у Чудакулли возникли некоторые трудности.

– Знаешь, так уж получилось, что я – твой аркканцлер!

– У-ук.

– Но тебе там понравится! Свежий воздух! Кучи деревьев! Качайся не перекачайся!

– У-ук.

– А ну, спускайся немедленно!

– У-ук!

– Книгам ничто не грозит, каникулы же. О боги, да студентов и в лучшие времена сюда не загонишь...

– У-ук!

Чудакулли свирепо посмотрел на библиотекаря, свисающего со стеллажа с книгами по паразитологии от «Ба» до «Мн».

– Ну и ладно, – голос аркканцлера стал низким и вкрадчивым. – Хотя очень жаль. Я слышал, в Ланкрском замке собрана неплохая библиотека. Во всяком случае, они называют это библиотекой, эту кучу старых книг. У них и каталога никогда не было...

– У-ук?

– О, их там тысячи. Мне говорили, там даже эти, инкунаблы попадаются. Жаль, что ты не хочешь взглянуть на них. – Голосом Чудакулли можно было смазывать колеса.

– У-ук?

Выйдя за дверь библиотеки, Чудакулли остановился и начал считать. На счет «три» из дверей на костяшках пальцев вылетел заинтересовавшийся инкунаблами библиотекарь.

– Значит, все-таки четыре билета? – уточнил Чудакулли.

Матушка Ветровоск твердо решила выяснить, что происходит вокруг камней.

Люди недооценивают пчел.

Матушка Ветровоск – нет. У нее самой было с полдюжины ульев, и она знала, что такого создания, как отдельная пчела, не существует. Зато есть рой, составляющие ячейки которого весьма и весьма мобильны, гораздо мобильнее, чем ячейки, скажем, какого-нибудь тайного общества. Рой видит все, а чувствует и того больше, он способен хранить воспоминания годами, хотя его память, как правило, располагается снаружи, а не внутри, и сделана из воска. Соты – вот память улья; помещения для ячеек, пыльцы, маток, меда различного типа – все это части матрицы памяти.

А еще есть толстые трутни. Люди считают, что они без дела ошиваются в улье целый год, ожидая тех нескольких кратких минут, когда матка заметит наконец их существование. Но это не объясняет, почему органов чувств у трутней больше, чем на крыше главного здания ЦРУ.

Матушка держала пчел вовсе не затем, зачем их обычно разводят. Да, каждый год она забирала у них немного воска для свечей, иногда фунт-другой меда, которым ульи вполне могли поделиться, но главным образом она держала пчел в качестве собеседников.

Впервые после возвращения домой она направилась к ульям.

И тупо уставилась на них.

Пчелы яростно вылетали наружу. Громкое жужжание нарушало обычное умиротворение, царящее за кустами малины. Коричневые тела пронзали воздух подобно горизонтальным градинам.

Интересно, что происходит?

Пчелы – одно из слабых мест матушки... Не было в Ланкре разума, который она не могла бы заимствовать. Однажды она даже побывала в шкуре земляного червя⁸. И только рой, разум, состоящий из тысяч подвижных частей, был ей недоступен. Раз за разом она пробовала войти в рой и увидеть мир десятками тысяч пар сложных глаз, но каждая такая попытка заканчивалась жуткой мигренью и необъяснимым желанием заняться любовью с цветами.

Но много чего можно узнать, просто наблюдая за пчелами. За их активность, направлением движения, действиями пчел-охранников.

Пчелы вели себя так, словно были *крайне обеспокоены*.

⁸ Ничего интересного. Вокруг земля и очень тепло.

Поэтому она пошла «немножко полежать», как называла это матушка Ветровоск.

Действия нянюшки Ягг были совсем другими и имели мало общего с ведьмовством, зато имели много общего с тем, что она была Ягг.

Некоторое время она сидела на безукоризненно чистой кухне, потягивала ром, попыхи-вала вонючей трубкой и рассматривала картинки на стенах.

Все они были созданы младшими внуками грязью различных тонов и воплощали бесформенные фигуры с бесформенными подписями «БАБА» из бесформенных грязных букв.

Перед нянюшкой на полу, задрав все четыре лапы, лежал обрадованный возвращением домой Грибо и играл свою знаменитую роль чего-то найденного в сточной канаве.

Наконец нянюшка Ягг поднялась и с задумчивым видом пошла в кузницу Джейсона Ягга.

Кузница всегда занимала важное место в жизни деревни и служила ратушей, площадкой для встреч и центром анализа слухов. Сейчас в кузнице болтались несколько местных жителей, которые пытались скоротать время между обычными для Ланкра занятиями браконьерством и наблюдением за тем, как работают женщины.

– Джейсон Ягг, мне нужно с тобой поговорить.

Кузница опустела словно по волшебству. Вероятно, основной причиной был голос нянюшки. Правда, она успела поймать за руку одного из беглецов, пытавшегося на карачках проскользнуть мимо нее.

– Очень рада, что застала тебя здесь, господин Кварней. Ты не убегай, не убегай. Как там твоя лавка?

Единственный на весь Ланкр лавочник смотрел на нянюшку, как трехногая мышь на пережравшего анаболиков кота. Тем не менее он таки собрался с духом, чтобы выдать:

– Все ужасно, просто ужасно. Дела идут хуже некуда, госпожа Ягг.

– То есть как обычно?

Лицо господина Кварнея стало умоляющим. Он понимал, что без потерь ему не выпутаться. Оставалось лишь слушать.

– Итак, – продолжила нянюшка, – вдову Скрыб из Ломтя знаешь?

Кварней удивленно раскрыл рот.

– Вдову? – пробормотал он. – Но она же...

– Поспорим на полдоллара? – предложила нянюшка.

Рот господина Кварнея так и остался открытым, зато лицо приобрело выражение восхищенного ужаса.

– Ты предоставишь ей кредит, пока она не поставит хозяйство на ноги, – сказала нянюшка в полной тишине.

Кварней тупо кивнул.

– Это касается и тех, кто подслушивает у двери, – повысила голос нянюшка. – Кусок мяса раз в неделю ей совсем не помешает. Кроме того, ей потребуется помощь, когда придет время убирать урожай. Отлично, так и знала, что могу на вас рассчитывать. Все, идите...

Они предпочли убежать, оставив нянюшку наслаждаться очередной победой.

Джейсон Ягг беспомощно посмотрел на свою любимую мамочку. Мужчина в центнер весом вдруг превратился в четырехлетнего мальчишку.

– Джейсон?

– Э-э, совсем забыл, надо тут кое-что сделать...

– Ну, мальш, – продолжила нянюшка, не обращая внимания на его слова, – что здесь происходило в наше отсутствие?

Джейсон рассеянно потыкал в огонь металлическим прутом и начал перечислять:

– В Ночь Всех Пустых пронесся смерч, одна из куриц матушки Пейзан трижды снесла одно и то же яйцо, корова Голокуров родила семиглавого змея, в Ломте прошел дождь из лягушек...

– Значит, все было нормально, – оборвала его нянюшка и небрежно, но многозначительно набила трубку.

– Ага, все тихо было, – согласился Джейсон.

Вытащив из горна прут, он положил его на наковальню и занес над головой молот.

– Рано или поздно я все равно все узнаю, сам понимаешь, – как бы между делом бросила нянюшка Ягг.

Джейсон не повернулся, но молот его замер в воздухе.

– От меня ничто не скроется, ты же знаешь, – продолжала нянюшка Ягг.

Железо постепенно остывало, цвет свежей соломы приобрел ярко-красный отлив.

– Ну, расскажи все своей старой мамочке, и сразу станет легче, – ласково предложила нянюшка Ягг.

Железо из ярко-красного стало шипяще-черным. Джейсон, привычный к жару кузницы, вдруг почему-то вспотел.

– Сейчас совсем остынет, нужно ковать, – заметила нянюшка Ягг.

– Мам, я здесь совсем ни при чем! Что мне было делать? Лечь им поперек дороги?

Нянюшка откинулась на спинку стула и довольно улыбнулась.

– Ты это о ком, сынок?

– Ну, эти, молодая Диаманда, а еще Пердита, – затараторил Джейсон, – и та рыжая из Дурного Зада, и другие. А я ведь говорил старухе Пейзан, я сказал, что ты этого так не оставишь. Им я тоже сказал. Сказал, что госпожа Ветровоск выпрыгнет из своих подшта... будет очень смеяться, когда узнает. Но они не слушали. Говорили, что сами могут научиться ведьмовству.

Нянюшка кивнула. На самом деле они были правы. Ведьмовству можно научиться самостоятельно. Но учитель и ученик должны быть людьми определенного склада.

– Диаманда? – переспросила она. – Что-то не припоминаю такой.

– На самом деле это Люси Чокли, – пояснил Джейсон. – Только она сказала, что Диаманда более подходящее имя для... для ведьмы.

– А... Это та, в большой фетровой шляпе с обвисшими полями?

– Да, мама.

– Она еще ногти красит черным лаком?

– Да, мама.

– Но старый Чокли услад ее в какую-то там школу.

– Да, мама. Она вернулась, когда тебя не было.

– А.

Достав из горна уголек, нянюшка Ягг прикурила трубку. Шляпа с обвисшими полями, черные ногти плюс образование. О боги.

– И сколько всего этих барышень?

– С полдюжины. Но на самом деле девушки они хорошие.

– Да?

– И не собирались делать ничего плохого.

Нянюшка Ягг задумчиво уставилась на пламя в горне.

Молчание нянюшки могло быть поистине бездонным. А еще оно обладало направленностью. Джейсон отчетливо понимал, что данное молчание нацелено на него.

Он всегда попадался на этот трюк и пытался заполнить молчание.

– И эта, как ее, Диаманда хорошее образование получила, – забормотал Джейсон. – Знает много интересных слов.

Молчание.

– Кроме того, ты сама всегда жаловалась, мол, как не хватает молодых девушек, которые хотели бы научиться ведьмовству, – неловко закончил Джейсон.

Он снова вытащил прут из горна и несколько раз ударил молотом – так, для вида.

Поток молчания, струящегося в сторону Джейсона, стал еще сильнее.

– Каждое полнолуние они ходили танцевать в горы, – буркнул он.

Нянюшка Ягг вытащила изо рта трубку и внимательно осмотрела ее.

– Люди говорят, – промолвил Джейсон, чуть понизив голос, – они там совсем обнаженными танцуют.

– Какими-какими?

– Ну, ты знаешь, мам, голыми.

– А, вот в чем дело. А кто-нибудь видел, как они туда ходили?

– Нет. Кровельщик Плетс пару раз пытался проследить за ними, но им удавалось ускользнуть.

– Джейсон?

– Да, мам.

– Они танцевали вокруг камней.

Джейсон врезал молотом себе по пальцу.

В лесах и горах Ланкра обитает много богов. Один из них известен под именем Кышбо Гонимого, а еще иногда его называют Хернем Охотником, потому что он – бог охоты и погони. Один из богов.

Большинство богов существуют только благодаря вере и надежде. Охотники в звериных шкурах пляшут вокруг костров и тем самым создают богов погони – энергичных, неистовых и обладающих тактичностью приливной волны. Но это не единственные боги охоты. Добыча также обладает правом оккультного голоса, столь же неоспоримым, как право сердца биться, а собак лаять. Кышбо – бог гонимых и истребляемых, а также всех мелких существ, жизнь которых неотвратимо завершается коротким писком.

Ростом Кышбо примерно три фута, а еще у него кроличьи уши и очень маленькие рожки. Зато он умеет очень быстро бегать, и Кышбо использовал эту свою способность в полной мере, когда пронесся по лесам с воплями:

– Они идут! Они идут! *Они возвращаются!*

– Кто? – спросил Джейсон Ягг, опустив палец в корыто с водой.

Нянюшка Ягг вздохнула.

– *Они*, – сказала она. – Ну, ты знаешь. *Они*. Мы не совсем уверены, но...

– Кто *Они*?

Нянюшка несколько помедлила с ответом. Существуют вещи, которые нельзя говорить обычным людям. С другой стороны, Джейсон – кузнец, а значит, к обычным людям не относится. Кузнецы умеют хранить секреты. К тому же он член семьи. Молодость нянюшки Ягг была бурной, а считать нянюшка никогда не умела, но в том, что Джейсон Ягг – ее сын, она практически не сомневалась.

– Понимаешь... – наконец промолвила она, неопределенно махнув рукой. – Эти камни... Плясуны... Э-э, когда-то... давным-давно...

Она замолчала и предприняла еще одну попытку объяснить фрактальную природу реальности.

– Видишь ли... есть места, которые гораздо тоньше других, там раньше были двери, ну, не совсем двери, сама никогда до конца не понимала, не двери как таковые, скорее это места, где мир *тоньше*... Одним словом, все дело в том, что Плясуны – это своего рода ограда...

и мы, когда я говорю «мы», то имею в виду, что тысячи лет назад... То есть они не совсем камни, скорее какое-то грозное железо... А еще есть вещи, подобные приливам, но это не морские приливы, это когда миры сближаются и ты можешь переступить... В общем, если люди болтались около тех камней, занимались там всякой ерундой... значит, нужно быть очень осторожными, иначе *Они* вернуться.

– Но кто Они?

– В этом-то и беда, – с несчастным видом произнесла нянюшка. – Если я тебе расскажу, скорее всего, ты поймешь меня неправильно. Они живут по другую сторону Плясунов.

Джейсон, нахмурившись, уставился на нее. Но затем лицо его расплылось в улыбке понимания.

– А, знаю. Я как-то слышал, что иногда анк-морпоркские волшебники прорывают дыры в ткани действительности, и оттуда начинают лезть ужасные Твари из Подземельных Измерений. Огромные твари с дюжиной глаз, а ног у них больше, чем у целого хора. – Он схватил свой верный молот № 5. – Не волнуйся, мам. Если они сюда полезут, мы им...

– Да нет, все совсем не так, – прервала его нянюшка. – Те Твари живут *снаружи*. А эти... Они – по ту сторону.

Джейсон окончательно запутался.

Нянюшка пожала плечами. Все равно рано или поздно придется рассказать...

– Дамы и Господа, – прошептала она.

– Кто-кто?

Нянюшка осторожно оглянулась по сторонам. В конце концов, она же в кузнице, и кузница стояла здесь задолго до того, как был построен замок, задолго до того, как возникло королевство. Повсюду висели подковы. Сами стены были пропитаны железом. Кузница – это не просто место, где хранится железо, здесь железо умирает и возрождается. Сложно представить более безопасное место.

И все равно ей так не хотелось произносить эти слова...

– Э-э, – сказала она. – Сказочный Народец. Сияющие. Звездные Люди. Уж ты-то должен их знать.

– Что?

Нянюшка на всякий случай положила руку на наковальню и наконец произнесла запретное слово.

Хмурое выражение исчезло с лица Джейсона со скоростью рассвета.

– Как? – удивился он. – Но они же милые и...

– Вот видишь! – хмыкнула нянюшка. – Я же говорила, что ты не поймешь.

– Сколько-сколько? – не поверил своим ушам Чудакулли.

Кучер пожал плечами.

– Соглашайся или отваливай, – сказал он.

– Прошу прощения, аркканцлер, – вмешался Думминг Тупс. – Но это единственная карета.

– Пятьдесят долларов! Грабеж среди бела дня!

– Вовсе нет, – терпеливо объяснил кучер авторитетным тоном опытного человека. – Грабеж среди бела дня – это когда кто-то выходит на дорогу, нацеливает на нас арбалет, а потом его друзья прыгают с деревьев и скал и отнимают у вас все деньги и пожитки. А еще есть грабеж среди темной ночи, который очень похож на грабеж среди бела дня, только они еще поджигают карету, чтобы лучше видеть, что брать. А есть еще грабеж среди серых сумерек, основная разновидность которого...

– Ты имеешь в виду, – перебил Чудакулли, – что ограбление входит в *цену* проезда?

– Гильдия Разбойников и Бандитов, – пояснил кучер. – Сорок долларов с носа. И обсуждению не подлежит. Ставка окончательная.

– А если мы не заплатим? – уточнил Чудакулли.

– Я же сказал, ставка окончательная. Окончится ваша жизнь.

Волшебники устроили быстрое совещание.

– Итак, у нас есть сто пятьдесят долларов, – сказал Чудакулли. – Больше из сейфа достать не удастся, потому что вчера казначей съел ключ.

– Э-э, аркканцлер, я могу высказаться? – встрял Думминг.

– Давай.

Думминг широко улыбнулся кучеру.

– Насколько я понимаю, на домашних животных билет не нужен? – спросил он.

– У-ук?

Помело нянюшки Ягг летело в нескольких футах над лесной тропкой. Скорость была такая, что на поворотах помело заносило и ведьма задевала башмаками листья. У хижины матушки Ветровоск нянюшка спрыгнула с помела, но выключить его не успела, и оно остановилось, только когда врезалось в уборную.

Дверь была открыта.

– Ау?

Нянюшка Ягг заглянула в буфетную, потом протопала по узкой лестнице на второй этаж.

Матушка Ветровоск лежала на своей кровати. Лицо ее было серым, а тело – холодным.

Люди и раньше находили ее в таком состоянии и всегда реагировали неоднозначно.

Поэтому теперь матушка успокаивала посетителей – но искушала судьбу – при помощи небольшого клочка картона, который обычно сжимала в окоченевших руках.

«Я НИ УМИРЛА», – гласила записка.

Окно было открыто и подперто обломком доски.

– А, – сказала нянюшка скорее себе, чем кому-либо еще, – вижу, тебя нет. Я... я просто поставлю чайник и подожду, когда ты вернешься, хорошо?

К Заимствованию нянюшка Ягг относилась неоднозначно. С одной стороны, это, конечно, здорово войти в разум животного или еще кого, но, с другой стороны... слишком многие ведьмы не возвращались. Вот уже несколько лет нянюшка подкармливала кусочками сала и корками бекона некую синичку, которая всеми повадками очень походила на матушку Постаюту, однажды ушедшую Заимствовать, да так и не вернувшуюся. Жуткая вещь... если ведьма вообще может считать что-то жутким.

Нянюшка вернулась в буфетную и опустила ведро в колодец, напомнив себе на сей раз выбросить тритонов, прежде чем поставить воду на огонь.

А потом она стала смотреть на сад.

Некоторое время спустя какое-то маленькое существо впорхнуло в верхнее окно.

Нянюшка разлила чай. Аккуратно взяла одну ложку сахара из сахарницы, высыпала остальной сахар в свою чашку, ложку сахара вернула в сахарницу, поставила обе чашки на поднос и поднялась по лестнице.

Матушка Ветровоск сидела на кровати.

Нянюшка огляделась.

На балке вниз головой висела летучая мышь.

Матушка Ветровоск растирала уши.

– Гита, будь добра, поставь под нее горшок, – попросила она нянюшку. – Они постоянно гадят на ковер.

Нянюшка отыскала наиболее интимный предмет спальни и ногой толкнула его по половику.

– Сделала тебе чашку чая, – сообщила она.
– То, что нужно, – кивнула матушка, – а то во рту какой-то жучинный привкус.
– Я думала, ночью ты предпочитаешь сов, – сказала нянюшка.
– После них потом все время пытаешься повернуть голову по кругу, – поморщилась матушка. – Летучие мыши, они, по крайней мере, смотрят в одну сторону. Сначала я пробовала Заимствовать кроликов, но сама знаешь, чем они думают. Вернее, о чем только и думают.

– О траве?

– Ага, о ней самой.

– Что-нибудь выяснила? – спросила нянюшка.

– Туда приходили. Каждое полнолуние! Судя по всему, это были девушки. Летучие мыши видят только силуэты.

– Неплохо, – осторожно похвалила ее нянюшка. – Кто-нибудь из местных?

– Скорее всего. Во всяком случае, они туда пришли, а не прилетели.

Нянюшка Ягг вздохнула.

– Это были Агнесса Нитт, дочь старого Трехпенсовика, и Люси Чокли. Да еще несколько девчонок.

Матушка Ветровоск уставилась на нее с широко раскрытым ртом.

– Извини, – пожалала плечами нянюшка. – Я расспросила Джейсона.

Летучая мышь рыгнула. Матушка вежливо прикрыла рот ладонью.

– Я, наверное, выгляжу старой дурой? – спросила она некоторое время спустя.

– Нет, что ты, – успокоила ее нянюшка. – Заимствование – это ведь настоящее искусство.

И ты прекрасно им овладела.

– Слишком гордой я стала. А ведь раньше я бы тоже людей расспросила, перед тем как носиться по лесам летучей мышью.

– Наш Джейсончик ничего бы тебе не сказал. Да и мне он открылся только потому, что иначе я превратила бы его жизнь в ад, – хмыкнула нянюшка. – На то они и матери.

– Теряю чутье, вот в чем дело. Старею я, Гита.

– Лично я всегда говорю следующее: ты настолько стара, на сколько себя чувствуешь.

– Именно это я и имею в виду.

Нянюшка Ягг выглядела озабоченной.

– Была бы здесь Маграт, – пробормотала матушка, – я бы такой дурой перед ней выставилась...

– Маграт сейчас сидит в своем замке, – ответила нянюшка. – Учится быть королевой.

– По крайней мере, когда ты – королева, никто и не заметит, что ты что-то там делаешь неправильно, – возразила матушка. – О нет, все, что ты делаешь, *правильно*, потому что это *ты* так делаешь.

– Королевская власть... Смешная штука, – покачала головой нянюшка. – Берешь девушку с задницей, как у двух свиней, завернутых в одеяло, и головой, полной воздуха, выходит она замуж за короля, принца или еще кого-нибудь и вдруг становится ее королевским сиятельством-величеством-принцессой. Ох уж этот смешной старый мир.

– Запомни, лебезить перед ней я ни в жизнь не стану, – предупредила матушка.

– А ты никогда ни перед кем не лебезила, – терпеливо сказала нянюшка Ягг. – Никогда не кланялась старому королю. И Веренса едва достаиваешь кивком. Да уж, кто-кто, а ты никогда ни перед кем не лебезила.

– Именно так! – воскликнула матушка. – Именно так и должны поступать ведьмы.

Нянюшка немного подуспокоилась. То, что матушка вдруг заговорила о старости, встревожило ее. Она больше привыкла к матушке в нормальном состоянии едва сдерживаемого гнева.

Матушка встала.

– Значит, дочь старого Чокли, говоришь?

– Именно.

– Ее мать звали Кибль, верно? Приятная женщина, насколько я помню.

– Да, но когда она умерла, старик отослал дочку в Сто Лат, в какую-то там школу.

– Не одобряю я эти школы, – нахмурилась матушка Ветровоск. – Они только мешают образованию. А все эти книги... Книги! Да что в них хорошего? Люди сейчас слишком много читают. Вот когда я была молодой, времени на чтение у нас не было, это я точно помню.

– Мы были слишком заняты другими развлечениями.

– Верно. Пошли, у нас мало времени.

– Что ты имеешь в виду?

– Дело тут не только в девушках. Там есть еще что-то. Чувствуется какой-то разум – он-то всем и управляет.

Матушка поежилась. Она слишком явственно ощущала это – так опытный охотник, крадущийся по лесам, мгновенно чувствует присутствие другого охотника – по тишине, когда должен быть шум, по примятым стеблям, по ярости пчел.

Нянюшка Ягг никогда не одобряла Заимствование, а Маграт наотрез отказывалась даже пробовать. У других же старых ведьм, живущих на противоположном склоне горы, было слишком много проблем с собственными головами, чтобы лезть еще и в другие. Таким образом, матушка одна прибежала к Заимствованию.

По королевству блуждал разум, а матушка Ветровоск не могла его понять.

Она Заимствовала. Однако здесь следовало проявлять крайнюю осторожность. Это ведь как наркотик, затягивает. Входить в разумы зверей и птиц – но не пчел, – нежно управлять ими, смотреть на мир их глазами... Матушка Ветровоск частенько наведывалась в чужие сознания. Для нее это было неотъемлемой частью ведьмовства. Возможность взглянуть на мир иными глазами...

...Глазами мошек увидеть медленное течение времени в быстротечном дне, их маленькие разумы перемещаются с быстротой молнии...

...Телом жука слышать мир, представляющий собой трехмерный узор колебаний...

...Носом собаки обонять запахи, которые вдруг приобретают цвета и оттенки...

Но за это приходилось платить. Конечно, никто никакой платы не требовал, но само отсутствие каких-либо требований налагает моральные обязательства. Ты стараешься не бить мух. Как можно осторожнее рыхлишь грядки. Подкармливаешь собак. Ты – платишь. Ты заботишься не потому, что это хорошо, а потому, что так правильно. После себя не оставляешь ничего, кроме смутных воспоминаний, а с собой забираешь только впечатления, не больше.

Но этот иной, блуждающий разум... Он будет входить в сознания, будто цепная пила, и брать, брать, брать. Она чувствовала его форму, хищническую, жестокую, злую. Этот ум будет использовать, будет причинять боль. Почему? Да потому, что это весело и интересно.

Только одно существо на свете обладает подобным разумом.

Эльф.

Высоко над землей трещали ветви деревьев.

Матушка и нянюшка шагали по лесу. По крайней мере, матушка Ветровоск шагала, а нянюшка Ягг пыталась от нее не отстать.

– Дамы и Господа пытаются найти выход, – говорила матушка. – И есть еще что-то. Это нечто уже пробилось сюда. Какая-то тварь с той стороны. Скрыб загнал оленя в кольцо, там-то их и поджидало это существо. Кто-то входит, кто-то выходит, нормальный обмен...

– Какое существо?

– Сама знаешь, зрение у летучих мышей никуда не годится. Они видят лишь силуэты. Но старого Скрыба что-то убило. И эта тварь все еще бродит по округе. Она явилась оттуда, откуда потом придут Дамы и Господа.

Нянюшка посмотрела на тени. Ночью в лесу так много теней...

– Тебе не страшно? – поинтересовалась она.

Матушка хрустнула пальцами.

– Нет. А чего тут бояться? Пусть лучше эта тварь боится.

– Правильно о тебе говорят. Ты слишком гордая, Эсмемальда Ветровоск.

– И кто ж так говорит?

– Ты сама, только что.

– Наверное, чувствовала себя неважно.

«Я была несколько не в себе», – вероятно, сказал бы другой. Но матушка Ветровоск всегда была только в себе, здесь и сейчас.

Две ведьмы поспешили дальше, а над землей все так же бушевал ветер.

Из колючих зарослей им вслед смотрел единорог.

Диаманда Чокли действительно носила фетровую шляпу с обвисшими полями. Да еще и с вуалью.

Пердита Нитт (которая, до того как заняться ведьмовством, звалась просто Агнессой) тоже носила шляпу с вуалью – потому что такую же надевала Диаманда. Им обеим было по семнадцать лет. Разница между ними заключалась в том, что Диаманда была очень, очень тощей, и тут Пердита ей ужасно завидовала. Однако вскоре она нашла выход из положения: если не можешь быть тощей, следует, по крайней мере, выглядеть нездорово. Поэтому, скрывая жизнерадостно-розовый цвет своего лица, она накладывала на себя такой слой белого грима, что, наверное, если бы она резко обернулась, ее лицо съехало бы на затылок.

Они уже прошли Возведение Конуса Силы, попробовали магию со свечами и провели несколько пробных сеансов с хрустальным шаром. Сейчас Диаманда показывала, как правильно работать с картами.

«Карты содержат очищенную мудрость Древних», – нравоучительно наставляла она. Пердита не раз задавалась предательским вопросом: кем же были эти самые Древние? Речь тут шла явно не о *стариках* – всех без исключения пожилых людей Диаманда считала дураками. Но чем эти Древние были мудрее, скажем, современных людей? Непонятно...

А ведь есть еще Женский Принцип, такая же непонятная штука. Не говоря уже о Внутреннем Я, которое Пердита никак не могла в себе выявить. Она уже начинала подозревать, что, видимо, его у нее просто-напросто нет.

Диаманда вызывающе красила глаза.

Диаманда ходила в туфлях на невероятно высоких каблуках.

И спала в самом настоящем гробу – по крайней мере, так утверждала Аманита Де Мон.

У Аманиты хотя бы была татуировка – череп и кинжал. Вот бы и Пердите сделать такую, пусть даже простыми чернилами, пусть даже каждый вечер придется ее смывать, чтобы мать не увидела...

Тоненький, отвратительный голосок Внутреннего Я Пердиты предположил, что Аманита – не самое удачное имя.

Как и Пердита, если уж на то пошло.

А еще он намекнул, что, быть может, Пердите не стоит заниматься вещами, в которых она ровным счетом ничего не понимает.

Основная беда заключалась в том – и она это отлично знала, – что вышесказанное относилось почти ко всему.

Но эти черные кружева, в которые неизменно облачалась Диаманда!..

Диаманда умела производить впечатление.

Пердита всегда знала о существовании ведьм – старухи, одевавшиеся, как вороны, за исключением разве что Маграт Чесногк, которая была откровенно ненормальной и всегда

выглядела так, будто вот-вот расплачется. Однажды на вечеринку в честь Дня Всех Пустых Маграт притащила гитару и весь вечер нескладно распевала всякие народные песни, причем глаза ее были томно полуприкрыты – словно она и в самом деле искренне верила в то, о чем пела. Играла она отвратительно, но это и неважно, потому что петь она совсем не умела. Люди аплодировали – ну а что еще им оставалось?

Тогда как Диаманда читала книги. Она действительно много знала. Например, Диаманда умела черпать силу из камней. Правда-правда, умела.

Сегодня она обучала подруг работе с картами.

Вечером снова поднялся ветер. Он хлопал ставнями и выбивал сажу из печной трубы. Тени зашуганно прятались по углам комнаты и...

– Сестра, ты меня слушаешь? – холодным голосом осведомилась Диаманда.

Чтобы подчеркнуть общность взглядов, начинающие ведьмы называли друг друга сестрами.

– Да, Диаманда, – кротко ответила Пердита.

– Повторяю специально для тех, кто мог случайно прослушать, – продолжала Диаманда, – вот это – Луна. – Она подняла карту. – Что же мы здесь видим? А, Мускара?

– Гм... Изображение луны? – полным надежды голосом ответила Мускара (в простонародье – Сюзан).

– Это не просто *луна*, – фыркнула Диаманда. – *На самом деле* это неподражательная условность, не имеющая абсолютно никакого отношения к привычной системе координат.

– А...

Порыв ветра потряс хижину. Распахнулась, ударившись о стену, дверь, и на мгновение показалось облачное ночное небо, на котором в виде полумесяца висела неподражательная условность.

Диаманда махнула рукой. Последовала октарининовая вспышка. Дверь с треском захлопнулась. Диаманда улыбнулась – своей обычной холодной, всезнающей улыбкой, которой так завидовала Пердита.

Ведьма положила карту обратно на черный бархат.

Пердита с унылым видом таращилась на стол. Все было очень красиво, карты выглядели маленькими картинками, созданными рукой опытного живописца, и имена у них были занятные... Но тоненький предательский голосок неустанно нашептывал: «Будущее? Откуда им-то про него знать? Картон, знаешь ли, никогда не отличался сообразительностью».

С другой стороны, шабаш – он ведь и в самом деле помогает... более или менее. На шабаше ты силу свою поднимаешь... и все такое прочее. «О боги, а что, если она спросит *меня?*»

Неожиданно Пердита почувствовала легкую тревогу. Что-то было не так. Секунду назад все было нормально, и вдруг – стало не так. Что-то произошло, правда, она не поняла, что именно. Пердита подняла взгляд.

– Счастья этому дому, – изрекла матушка Ветровоск.

Примерно таким же тоном обычно говорят нечто вроде: «Попробуй-ка переварить мою пулю, Кинкейд» или «Ты вчера классно повеселился, следующую вечеринку будем проводить у тебя, я обязательно приду».

Диаманда удивленно открыла рот.

– Что вы тут, картишками балуетесь? – поинтересовалась нянюшка Ягг и через Диамандино плечо заглянула в карты. – М-да, с такой рукой ловить нечего. У тебя же двойной дуркер.

– Кто вы такие?

«Как внезапно они появились... – подумала Пердита. – Только что были одни тени, и вдруг, откуда ни возьмись, – они, такие же настоящие, как и все остальное».

– А зачем весь пол мелом исчеркан? – огляделась по сторонам нянюшка Ягг. – Ну вы намусорили. И надписи какие-то языческие. Нет, против язычников я ничего не имею. – Она, казалось, задумалась на мгновение. – Честно говоря, я и сама практически язычница, но на полу ведь не рисую. Чего это вы тут делали? – Она подтолкнула локтем Пердиту. – С мелом поосторожнее надо, он иногда так в доски въестся – в жизнь не отмоешь.

– Гм, это магический круг, – пояснила Пердита. – Добрый вечер, госпожа Ягг. Гм. Это чтобы оградить себя от дурного влияния...

Матушка Ветровоск слегка наклонилась вперед.

– Скажи-ка, дорогуша, – обратилась она к Диаманде, – и, по-твоему, это работает?

Она еще больше наклонилась вперед.

Диаманда чуть отшатнулась.

А потом медленно выпрямилась.

В итоге они оказались нос к носу.

– Это кто такая? – процедила Диаманда уголком рта.

– Гм, это – матушка Ветровоск, – ответила Пердита. – Гм, она – ведьма.

– Какого уровня? – спросила Диаманда.

Нянюшка Ягг поискала взглядом, за что бы спрятаться. Бровь матушки Ветровоск задрожала.

– Уровня? – переспросила она. – Наверное, первого – какого же еще?

– Значит, только начала? – уточнила Диаманда.

– Дорогуша, – тихонько шепнула нянюшка Ягг Пердите, – если мы перевернем стол, то за ним можно будет спрятаться.

А про себя нянюшка подумала: «Эсме брошен вызов, и она на него обязательно ответит. Мы всегда отвечаем на вызов. Настоящая ведьма – это прежде всего уверенность в себе. Вот только моложе мы не становимся... Ведьмы – это все равно что фехтовальщики. А чтобы быть лучшей... Да, ты считаешь себя опытным воином, но вместе с тем знаешь, что где-то есть более молодые бойцы – они беспрестанно тренируются, оттачивают свое мастерство, и в один прекрасный день идешь ты спокойненько по тропинке, и вдруг за твоей спиной голос: «Доставай свою жабу и защищайся!» Ну, или что-нибудь вроде.

Вот и Эсме это ждет. Рано или поздно она встретится с кем-нибудь более умелым, более быстрым...»

– О да, – ровным голосом откликнулась матушка. – Только-только. Каждый день только и делаю, что начинаю.

«Но сегодня ей ничто не грозит», – подумала нянюшка Ягг.

– Ты – глупая старуха, – хмыкнула Диаманда, – и тебе меня не испугать. Ха. Знаю я, как вы пугаете суеверных крестьян. Бормочете что-то, смотрите с прищуром. Но это все видимость. Игры ума. Простая психология. Настоящим ведьмовством тут и не пахнет.

– Я, пожалуй, пойду в буфетную, посмотрю, может, чайник поставлю... – сказала нянюшка Ягг в окружающее пространство.

– Но ты-то все знаешь о ведьмовстве, – предположила матушка Ветровоск.

– Да, я изучаю его, – честно ответила Диаманда.

Нянюшка Ягг вдруг осознала, что невольно стащила со своей головы шляпу и сейчас нервно жует ее поля.

– И, наверное, ты уже достаточно искусна? – продолжала матушка Ветровоск.

– Достаточно.

– Ну-ка, *покажи*.

«А она действительно хороша, – невольно подумала нянюшка Ягг. – Выдержала взгляд Эсме больше минуты. Даже *змеи* через минуту обычно сдаются».

Если бы какую-нибудь неосторожную муху угораздило в этот момент пролететь между матушкой и Диамандой, она бы тут же вспыхнула и сгорела под пламенем взглядов.

– Я обучилась ведьмовству у нянюшки Грапс, – сказала матушка Ветровоск, – которая училась у тетюшки Ежки, которой передала свое мастерство бабка Плюм, научившаяся всему у самой Черной Алиссии, которая...

– Стало быть, – перебила ее Диаманда, заряжая слова в предложения, словно патроны в обойму, – за все это время никто из вас ничему *новому* так и не научился? Я правильно поняла?

Наступившую тишину нарушила нянюшка Ягг:

– Вот проклятье, прокусила поля. Насквозь.

– Так-так-так... – промолвила матушка Ветровоск.

– Ты только посмотри, – торопливо забормотала нянюшка Ягг, толкая локтем дрожащую Пердиту, – вместе с подкладкой. Эта шляпа стоила мне два доллара плюс исцеление свиньи в придачу. Два доллара и исцеление свиньи на дороге не валяются.

– Можешь идти, старуха, – сказала Диаманда. – Тебя здесь никто не держит.

– Но мы ведь обязательно встретимся? – спросила матушка Ветровоск.

Молодая и пожилая ведьмы оценивающе осмотрели друг друга.

– В полночь? – предложила Диаманда.

– В полночь? А что такого особенного в полночи? В полночь каждая дура – ведьма, – фыркнула матушка Ветровоск. – А вот как насчет полудня?

– Конечно. За что будем сражаться? – осведомилась Диаманда.

– Сражаться? Кто-то собрался сражаться? Нет, мы просто покажем друг другу, на что способны. По-дружески, – улыбнулась матушка Ветровоск.

Она встала.

– Ну, мне пора. Мы, старухи, обычно спим по ночам, сама знаешь, наверное.

– А что получит победитель? – не отступала Диаманда, однако в ее голосе появилась легкая неуверенность. Едва заметная, ноль целых неизвестно сколько тысячных балла по шкале сомнений Рихтера. Примерно такие же колебания производит пластмассовая чашка, упавшая на ковер в пяти милях от вас. Но тем не менее это была неуверенность.

– О, победитель получит победу, – пожала плечами матушка Ветровоск. – Как и должно быть. Не беспокойся, не провожай, ты ведь нас и не приглашала.

Дверь захлопнулась.

– Психический кинез. Примитивный трюк, – растолковала Диаманда.

– Ну да. Он самый, – откликнулась матушка Ветровоск, исчезая в ночи. – Этим-то все и объясняется. Все счастливы.

До изобретения параллельных вселенных дорожные указатели были крайне простыми: Вверх-Вниз, Направо-Налево, Вперед-Назад, Прошлое-Будущее...

Но в множественной вселенной подобные знаки не работают – там слишком много измерений, нужную дорогу так просто не отыщешь. Поэтому, чтобы дорогу все-таки можно было отыскать, пришлось придумать новые указатели.

Например, На Восток От Солнца, На Запад От Луны.

Или же – Не Знаю Куда.

А еще – Край Ойкумены.

Туда И Обратно – тоже все понятно объясняет.

Иногда дорогу можно срезать. Через дверь или какие-нибудь врата. Через стоящие вертикально камни, через расщепленное молнией дерево, платяной шкаф.

Или, скажем, через некую вересковую пустошь...

Главное – найти место, где «там» почти становится «здесь».

Почти, но не совсем. Однако малейшей утечки вполне достаточно для того, чтобы заставить маятник качаться, а физиков – сходить с ума, чтобы дом сочли населенным призраками и котелок иногда летал по комнате. Достаточно небольшой утечки, чтобы трутни вылетели в воздушные патрули.

Кстати о трутнях.

Существуют собрания трутней. Иногда в погожий летний день в некоем определенном месте со всей округи собираются трутни – собираются и летают кругами, жужжа, будто радары дальнего слежения, каковыми они и являются.

Пчелы разумны. Это человеческое слово, но пчелы являются упорядоченными созданиями, в их гены заложена ненависть к хаосу.

Если бы люди умели определять утечку, если бы они понимали, что происходит, когда переплетаются «здесь» и «там», то могли бы (опять-таки, если б знали как) отметить место утечки некими определенными камнями.

В надежде, что каждый дурак поймет это недвусмысленное предупреждение и предпочтет держаться подальше.

– Ну, что думаешь? – спросила матушка по дороге домой.

– У толстенькой и молчаливой есть природный дар, – пожала плечами нянюшка Ягг. – Я его сразу почувствовала. Ну а всем остальным, как мне кажется, просто делать нечего. Решили поиграть в ведьм. Сама знаешь, планшетки для этих, как их, спиритических сеансов, карты, черные кружевные перчатки без пальцев. Тяга к оккультному.

– Терпеть не могу, когда тягают всякие культы, – твердо заявила матушка. – Я знаю лишь одно: начинаешь баловаться с культурами – начнешь верить в духов, начинаешь верить в духов – начнешь верить в демонов. А потом глядь – ты уже и в богов поверила. После этого все, твое дело – швах.

– Но ведь все они и в самом деле существуют, – возразила нянюшка Ягг.

– Это еще не значит, что в них надо верить. Они от этого только наглеют.

Матушка Ветровоск перешла на шаг.

– Ну а как насчет *нее*? – немного погодя спросила она.

– Что насчет нее?

– В ней ты силу почувствовала?

– О да. Честно говоря, у меня волосы встали дыбом.

– Кто-то передал ей эту силу. И я даже знаю кто. Ведь совсем еще девчонка, книжек начиталась, в голове черт знает что, и вдруг бац – на нее падает сила, а что с этой силой делать – непонятно. Карты! Свечки! Детские игры какие-то, а не ведьмовство. Тяга к культурам... Ногти черные – ты заметила?

– Ну, у меня они тоже не совсем чистые...

– Я имела в виду, они выкрашены в черный цвет.

– В молодости я красила ногти на ногах красным лаком, – с тоской в голосе промолвила нянюшка.

– На ногах – это совсем другое дело. И красный цвет тоже, – возразила матушка. – Кроме того, ты делала это, чтобы выглядеть обольстительной.

– И, надо сказать, у меня неплохо получалось.

– Ха!

Они еще немного помолчали.

– Я ощутила большую силу, – наконец сказала нянюшка Ягг.

– Ага.

– Очень большую.

– Ага.

– Нет, конечно, ты ее побьешь, – быстро произнесла нянюшка. – Иначе и быть не может. Но, полагаю, лично я на это не способна, да и тебе все-таки придется попотеть, как мне кажется. Ведь чтобы победить ее, нужно будет причинить ей боль.

– То есть ты намекаешь, что я переоцениваю собственные силы?

– Э-э...

– Она *очень* рассердила меня, Гита. Я не сдержалась. И теперь мне предстоит поединок с семнадцатилетней девчонкой. Причем, если я выиграю, меня сочтут задиристой старой ведьмой, ну а если проиграю...

Она яростно пнула кучу прелых листьев.

– Ну, не умею я сдерживаться, не умею.

Нянюшка Ягг промолчала.

– Выхожу из себя по любому поводу...

– Да, но...

– Я еще не закончила!

– Извини, Эсме.

Мимо пролетела летучая мышь. Матушка приветливо кивнула ночному зверьку.

– Не слышала, как там дела у Маграт? – спросила она тоном столь же небрежным, сколь небрежно обнимает вас корсет.

Они подошли к перекрестку, под лунным светом едва заметно светилась белая пыль. Одна дорога вела в Ланкр, где жила нянюшка Ягг. Другая сначала терялась в лесу, становилась дорожкой, потом тропинкой и наконец приводила к хижине матушки Ветровоск.

– Когда мы вновь увидимся... *вдвоем?* – спросила нянюшка Ягг.

– Слушай, – покачала головой матушка Ветровоск, – она сделала выбор, понимаешь? Да и сказать по чести, в королевах ей будет гораздо лучше.

– А я ничего и не говорила, – мягко произнесла нянюшка Ягг.

– Знаю! Я прямо-таки *слышу*, как ты ничего не говоришь. Молчание у тебя – мертвец позавидует!

– Тогда... Где-то в одиннадцать, что ли?

– Именно!

Когда матушка зашагала по тропинке к хижине, снова поднялся ветер.

Матушка и сама понимала, что слишком уж разошлась. Но столько всего нужно было сделать. С Маграт разобрались, нянюшка сама о себе может позаботиться, но вот Дамы и Господа... Их она не учла.

И самое главное...

Самое главное, матушку Ветровоск никак не оставляло ощущение, что в очень скором будущем ее ждет смерть. Это предчувствие начинало действовать ей на нервы.

Знание точного момента собственной смерти является одним из тех странных преимуществ, которые предоставляются настоящим пользователям магии. Хотя, как ни крути, это ведь и в самом деле преимущество.

Многие волшебники ушли в мир иной, весело допивая остатки винных погребов и занимая у всех знакомых подряд огромные суммы денег.

Интересно, порой гадала матушка Ветровоск, что чувствует человек, когда вдруг видит... в общем, видит то, что на него надвигается? То, что в итоге оказывается пустотой...

Люди считают, жизнь подобна точке, пролетающей из Прошлого в Будущее и оставляющей за собой, будто комета, пышный хвост воспоминаний. Однако на самом деле воспоминания распространяются не только назад, но и вперед. Обычный человек не понимает, что такое воспоминания о будущем, поэтому они приобретают форму интуиции и наития, предчувствий и дурных предзнаменований. Ведьмы же, напротив, умеют разумно распорядиться данным им

знанием, и наличие пустоты там, где, по идее, должны быть завитки будущего, действует на них примерно так же, как вид очень высокой скалы прямо по курсу – на пилота самолета, вынырнувшего из плотного тумана.

Ей осталось несколько дней, а потом – все. Она-то надеялась, у нее будет время привести в порядок сад, убраться в хижине, чтобы унаследовавшая ее домик ведьма не посчитала матушку неряхой, выбрать приличное место для погребения и какое-то время посидеть в кресле-качалке, не делать ничего, только смотреть на деревья и думать о прошлом. Однако... как говорится, боги располагают.

Однако и это еще не все. Память начала выделять какие-то странные фокусы. Но, быть может, так все и должно происходить? Может, к концу жизни ты просто истощаешься, как это случилось с нянюшкой Грапс, которая к концу жизни завела себе привычку ставить кошку на плиту, а кастрюлю выпускать на ночь погулять?

Матушка заперла за собой дверь и зажгла свечу.

В ящике комода лежала шкатулка. Поставив ее на кухонный стол, матушка открыла шкатулку и аккуратно вынула сложенный лист бумаги. Там же хранились чернила и ручка.

Чуть подумав, она принялась писать с того самого места, на котором прервалась в прошлый раз:

«...Моей подруге Гите Ягг аставляю кровать и ласкутное адияло каторое подарил мне куснец ис Дурнова Зада, а так же набор ис кувшинчика и тазика на каторый она давно налажила глаз, а так же памело, ано в полном порядке, нада только нимного паделать.

Маграт Чесногк аставляю садиржымое этой шкатулки, серебрянный чайный сервис с малошником в виде забавной каровы каторый ивляется Фамильной Ценастью, а так же Чисы каторые принадлежали моей матери и паручаю диржать их завидеными, патому, што кагда чисы астанавливаются...»

Снаружи донесся какой-то шум.

Если бы в комнате кроме нее был еще кто, матушка Ветровоск смело распахнула бы дверь – но рядом с ней никого не было. Она осторожно взяла кочергу, удивительно бесшумно, учитывая стоптанные, хлябающие башмаки, подкралась к двери и внимательно прислушалась.

В саду кто-то лазил.

Впрочем, вряд ли тут годится слово «сад». Возле дома матушки росли Травы и ягодные кусты, была небольшая лужайка – и, конечно, ульи. От леса «сад» отгорожен не был. Местная фауна благоразумно предпочитала не приближаться к жилищу ведьмы.

Матушка осторожно открыла дверь.

Луна уже садилась. Бледный серебряный свет делал мир одноцветным.

На лужайке стоял единорог. Резкий запах наполнял округу.

Матушка двинулась вперед, держа перед собой кочергу. Единорог попятился, принялся бить копытом.

Будущее предстало перед матушкой совершенно отчетливо. Она знала, *когда* все случится. Теперь она начала понимать, *как* это произойдет.

– Мне известно, откуда ты пришел, – произнесла она едва слышно. – И лучше тебе убраться обратно, да поскорее.

Зверь было бросился на нее, но тут же отступил, когда матушка взмахнула кочергой.

– Что, не выносишь железа? Тогда беги к своей хозяйке и скажи, что мы в Ланкре все знаем о железе. И мне известно о ее существовании. Так что пусть держится подальше, понял? Это моя земля!

Солнце сменило луну, и наступил день.

На том месте, которое обычно выполняло обязанности главной площади Ланкра, собралась внушительная толпа. Жизнь в Ланкре не была богата событиями, а на поединок между двумя ведьмами всяко стоило посмотреть.

Матушка Ветровоск явилась без четверти полдень. Нянюшка Ягг уже поджидала ее на скамейке рядом с таверной. На шее у нянюшки висело полотенце, рядом стояло ведро с водой, в котором плавала губка.

– Это еще зачем? – нахмурилась матушка.

– Так положено. У вас же будут перерывы. Я и перекусить тебе захватила.

Она подняла блюдо, на котором горкой были сложены апельсины. Матушка хмыкнула.

– Судя по твоему виду, подкрепиться тебе не повредит, – покачала головой нянюшка. – Похоже, сегодня ты еще ничего не...

Тут взгляд ее упал на башмаки матушки, на грязный подол ее длинного черного платья, к которому прилипли листочки папоротника и сухие вересковые веточки.

– Упрямая старая дура! – прошипела нянюшка. – Тебя где носило?

– Мне нужно было...

– Ты что, к Плясунам ходила? Пыталась удержать Господ?

– Ну да, – ответила матушка.

Голос ее не был слабым, и она не качалась. Но нянюшка Ягг понимала, что голос ее не был слабым и она не качалась только потому, что тело матушки Ветровоск было зажато в стальных тисках разума матушки Ветровоск.

– Кто-то же должен это сделать, – добавила она.

– Ты могла прийти ко мне!

– Ты бы меня отговорила.

Нянюшка Ягг чуть наклонилась вперед:

– Эсме, с тобой все в порядке?

– Все превосходно! Чувствую себя просто чудесно! Поняла?

– Ты хоть немножко-то поспала?

– Ну...

– Конечно, нет. Думаешь, победить эту девчонку пару раз плюнуть?

– Не знаю.

Нянюшка Ягг сердито посмотрела на нее.

– Не знаешь, значит? – повторила она уже несколько более мягким тоном. – Слушай, ты... лучше присядь, пока не свалилась. Пососи апельсиновую корочку. Они появятся с минуты на минуту.

– Вряд ли, – возразила матушка Ветровоск. – Скорее всего, она опоздает.

– Откуда ты знаешь?

– Являться нужно только тогда, когда все собрались. Чтобы тебя все увидели и оценили.

Обычная головология.

И в самом деле, шабаш молодых ведьм прибыл в двадцать минут первого. Диаманда и ее сторонницы расположились на ступенях рыночной пентаграммы на другой стороне площади.

– Ты только полюбуйся на них, – фыркнула матушка Ветровоск. – Снова все в черном.

– Ну, мы тоже носим черное, – заметила рассудительная нянюшка Ягг.

– Только потому, что это прилично и практично, – мрачно ответствовала матушка Ветровоск. – А не потому, что это романтично. Ха. Дамы и Господа тоже могли бы поприсутствовать.

Некоторое время две противоборствующие стороны молча таранились друг на друга, после чего нянюшка Ягг снялась с места и заковыляла по площади навстречу Пердите. Они встретились в центре. Молодая ведьмочка выглядела весьма встревоженной. В руках она нервно мяла черный кружевной платок.

– Доброе утро, госпожа Ягг, – поздоровалась она.

– Добрый день, Агнесса.

– Гм-м. Ну, что дальше?

Нянюшка Ягг достала трубку и почесала за ухом.

– Не знаю. Вам решать.

– Диаманда спрашивает, что, обязательно было встречаться именно здесь? К тому же посреди белого дня?

– Да. Пусть все видят, – ответила нянюшка Ягг. – В этом весь смысл. Нечего прятаться по углам да по норам. Каждый имеет право знать, кто тут лучшая ведьма. Пусть весь город знает. Победитель победит, а проигравший проиграет. Все честь по чести, потом не будет никаких споров.

Пердита бросила взгляд в сторону таверны. Матушка Ветровоск дремала.

– Абсолютно уверена в себе, просто невероятная уверенность, – сказала нянюшка Ягг, скрестив за спиной пальцы.

– Гм, а что будет с тем, кто проиграет? – поинтересовалась Пердита.

– На самом деле ничего, – пожалала плечами нянюшка Ягг. – Обычно проигравшая сторона покидает город. Какая ж из тебя ведьма, если все люди видели, как тебя побили?

– Диаманда говорит, что хочет лишь преподать старой госпоже урок, – продолжала Пердита.

– Пусть не волнуется. Эсме быстро учится.

– Гм... Право, госпожа Ягг, мне очень жаль, что мы вот так...

– Я тебя понимаю.

– А еще Диаманда говорит, что у госпожи Ветровоск очень внушительный взгляд.

– Спасибо за комплимент.

– Но гляделками ведь дело не ограничится, правда, госпожа Ягг?

Нянюшка сунула трубку в рот.

– Под гляделками ты подразумеваешь то самое старомодное состязание, кто кого переглядит?

– Гм, да.

– Думаю, что не ограничится. – Нянюшка подумала и пожалала плечами. – Хотя попробуем. Но все-таки магический круг очертить стоит. Мы же не хотим, чтобы пострадали невинные люди, верно?

– Вы, наверное, прибегнете к Скорхианским рунам? Или к октограмме Тройных Чар?

Нянюшка Ягг склонила голову набок.

– Честно говоря, дорогуша, первый раз о таких слышу. Всегда очерчивала магический круг вот так...

Приволакивая одну ногу, она бочком, будто краб, двинулась вбок от пухлой девушки. Вскоре нянюшка вновь уткнулась в Пердиту, но уже с другой стороны, а на земле появилась грубая окружность диаметром в пятнадцать футов.

– Извини. Вот и все. Готово.

– И это магический круг?

– Ну да, он самый. Надо же и о людях подумать. Разные магические силы летают, когда две ведьмы сходятся в поединке.

– Но... А как же песнопения?

– Какие песнопения?

– Ну, обычно создание магического круга сопровождается всякими там песнопениями...

– Понятия не имею, о чем ты говоришь. Лично я никогда ничего не пела.

– О.

– Впрочем, я знаю одну отличную песенку. Хочешь, спою? – с готовностью предложила нянюшка.

– Гм, нет. Не надо. – Пердита никогда не слышала, как поет нянюшка, но слухами земля полнится.

– А мне нравится твой черный платочек, – сказала, нисколько не смущаясь, нянюшка. – На нем и грязи почти не видно.

Пердита как загипнотизированная смотрела на круг.

– Гм. Можно начинать?

– Конечно.

Нянюшка Ягг поспешила вернуться к скамейке и ткнула матушку локтем в ребра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.